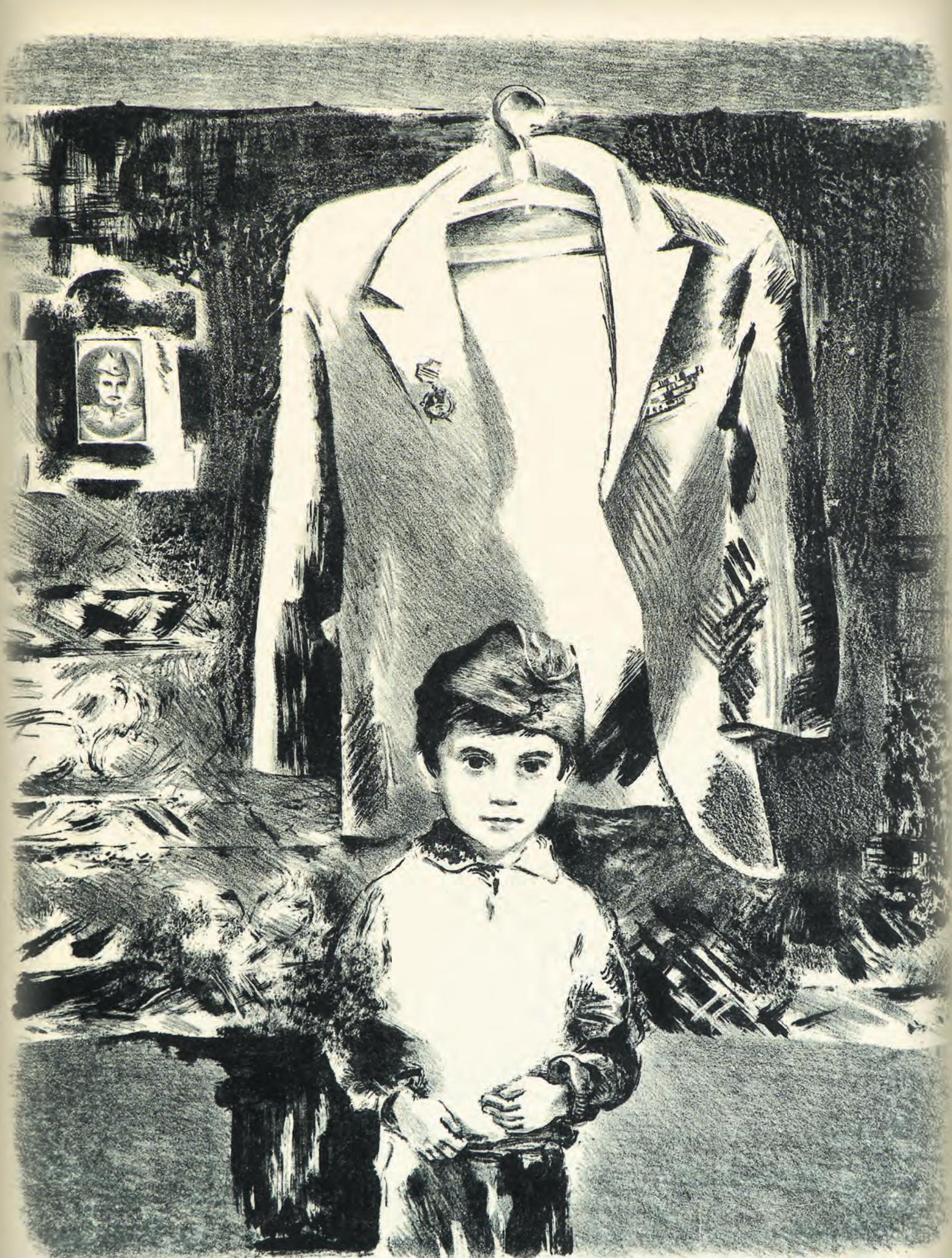

Женщина Дагестана

2.2024

ISSN 0132-7321

И. Хумаев. Буду солдатом. Сер. Память кп-8148 г-1482 DSCF0026

СЛОВО РЕДАКТОРА

Семь-Я

Год семьи, объявленный Президентом России В. В. Путиным, в Дагестане начался с нескольких, мягко говоря, неприятных событий. Это и мать наркоманка-закладчица, которая родную дочь вовлекла в губительный омут, и молодой человек, который ради самоутверждения лишил жизни друга, и школьники, толпой избившие одноклассника, и многое еще других негативных моментов, в результате которых мы опять прогремели на весь белый свет. Конечно, мы можем повозмущаться, что все это очень и очень плохо, и на этом закрыть тему. А можем начать искать пути выхода из этой непростой ситуации, когда родители, по сути, не воспитывают, а спонсируют, а учителя не учат, а, как выяснилось, оказывают услугу.

Год семьи предполагает самое пристальное внимание к духовно-нравственным ценностям, признание их приоритетности, и нам надо сообща решать конкретные семейные проблемы, а не проводить череду формальных мероприятий. Почему нельзя вышеназванные

ситуации обсуждать не только в соцсетях, но и в больших залах с приглашением авторитетных людей, представителей духовенства, знаковых личностей, которым доверяет молодежь!? Почему нельзя жестко осудить, допустим, этих же распоясавшихся школьников, да так, чтобы всем остальным не повадно было?! А то получается, что мы все прощаем, стоит только провинившемуся произнести пару банальных извинений! А как быть со стрессом, который получил жестоко избитый мальчик, как быть с его растоптаным самолюбием, с верой в справедливость?! И как нам впредь предупреждать подобные явления, если нет адекватного наказания виноватым?

Вопросов много, ответ один – нужна колоссальная работа, причем и на государственном уровне, чтобы вернуть бурную энергию наших земляков в русло созидания и в рамки правового поля.

Дагестан – наш общий дом, и все мы одна единая большая семья! Да, у нас, в нашей большой многонациональной семье, есть проблемы, и мы должны их решать, решать не только наказанием, но и любовью к оступившимся членам нашей семьи, как это было принято во все времена и в Дагестане, и в

любой другой цивилизованной стране. «Самого плохого в семье надо больше всех любить и с любовью исправлять его», – говорила моя бабушка. «У семьи есть общая родовая душа, – утверждал немецкий психолог Берт Хеллингер, – и когда одного плохого исключают из семьи, то родовая душа не допускает этого, компенсируя исключение рождением в семье второго, точно такого же». Моя бабушка не могла читать Хеллингера, но почему-то знала и утверждала в жизни те самые общечеловеческие ценности, что и знаменитый немецкий психолог.

Значит, не такие уж мы и разные...

Хамис ШАМИЛОВА

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

БЕРЕГИ, ВСЕВЫШНИЙ, НАШИХ СЫНОВЕЙ!.....8

Она сейчас уже спокойно рассказывала о том, как он скрывал от родителей, что с первых дней спецоперации находился в самом пекле и даже умудрялся изредка звонить или писать смс-ки, уверяя, что лечит в санатории бронхит. Отсутствие связи тоже объяснял тем, что санаторий в лесу, вдалеке от центра.

«НАДО ИМ ПОМОГАТЬ!».....28

– Вот едем мы с ним, но проходит определенное время, и он останавливает лошадей и говорит: «Мне надо молиться». Мне всегда это нравилось. Он молился, а мне было приятно. Вот, думала я, он здесь, а душа его сейчас где-то далеко.

ЭТО БЫЛА САМАЯ ТЕМНАЯ НОЧЬ.....26

– Я проснулась от звуков перестрелки. Разбудила сына и вышла на улицу. Кругом были вооруженные боевики. Мирным жителям дали «коридор» для выхода из района. Пули свистели над головой. Мы четко осознавали, что напали боевики и мы находимся в окружении, село захвачено. Проходила мимо узла связи и подумала, что, наверное, надо отключить генераторы, аккумуляторы.

В СЕРДЦЕ МОЕМ – ПАЛЕСТИНА.....34

– Моя семья оказалась в центре кровавых событий. Я заведовал отделением травматологии больницы Джабаля в секторе Газа. Спасая огромное количество искалеченных, раненых людей, я и сам был ранен, но продолжал работать.

ЖИТЬ, КАК ВЕЛИТ СЕРДЦЕ

Об этом удивительном человеке, прекрасной женщине, которая очаровывает и вдохновляет, можно рассказывать часами. Наша героиня – Аида Абдулкадыровна Акавова, уроженка Хасавюртовского района Дагестана – вот уже более 40 лет проживает в Санкт-Петербурге. В северной столице ее знают как успешного предпринимателя, одного из учредителей известного ресторана «У тети Аиды», общественного деятеля и филантропа.

За вклад в развитие городских социальных программ Аида Абдулкадыровна награждена Знаком «Ордена Доблести Георгиевского союза», она кавалер «Знака Александра Невского», ордена «Честь и мужество», почетного знака «За укрепление межнационального мира и согласия», медали «В память 300-летия Санкт-Петербурга»; она в числе лауреатов и победителей благотворительных конкурсов «Детские судьбы», «Золотой Гермес», а за участие в конкурсе «Социальная ответственность бизнеса» была названа «Женщиной года-2017».

— Аида Абдулкадыровна, расскажите нам, какими судьбами Вы оказались в столь далеких от нас краях?

— После окончания Буйнакского медучилища я работала медсестрой в кардиологическом отделении Хасавюртовской городской больницы. Частым пациентом нашего отделения был Хангерей Акавов из Байрамаула, ставший моим будущим свёкром. Мне трудно сейчас сказать, чем я ему приглянулась, но он решил познакомить меня со своим сыном Рахимом, а сыновей у него было пятеро. Вскоре в нашем доме появились сваты, а спустя некоторое время мы сыграли свадьбу. Вот так я и нашла свою вторую половину!

Рахим учился в одном из вузов Ленинграда на архитектора, и нам пришлось переехать в город на Неве. Это был 1981 год. Я тоже решила продолжить свое образование и перевелась с химико-биологического факультета Дагестанского педагогического института в институт имени А.И. Герцена в Ленинграде.

Никогда не забуду тот день, когда мне пришлось сдавать дипломную работу. У нас уже тогда было трое детей. Муж на работе, отпроситься не может, и я не знаю, что мне делать и как оставить своих малышей одних. А в институт надо идти непременно.

В моей памяти невольно всплыло мое далекое детство. Мы жили в Аджимажагатюре, где я и родилась. Мне было всего 3 года, когда однажды папа принес солому и расстелил ее в одной из комнат нашего дома. Родители заперли нас и ушли по своим делам. Не знаю, что взбрело мне в голову, я подожгла свою тряпичную куклу и бросила ее на эту кучу соломы. Начался пожар, уже весь дом был в дыму, мы стали задыхаться, и если бы быстро сбежавшиеся соседи не взломали дверь, нетрудно представить, что случилось бы дальше. Но Господь Бог пожалел нас, и наших родителей.

Я всегда с болью вспоминаю эту историю, но она стала для меня уроком на всю жизнь, научила быть ответственной за каждый свой поступок.

В семье я была самой старшей из сестер. Меня всегда окружали вниманием и заботой, и я начала понимать, что эту заботу надо отдавать, делиться ею со своими близкими и другими людьми. Это отец и мать научили быть добрыми, отзывчивыми и протягивать руку нуждающимся.

А дипломную я все-таки сдала, нашла выход из сложной ситуации и за свою работу получила высокую оценку. Предложили продолжить учёбу в аспирантуре, и как бы ни было огромно мое желание, я не могла забыть о семье и детях...

— Что вас подвигло заняться общественной и благотворительной деятельностью?

— Это были лихолетия конца 80-х и начала 90-х годов прошлого столетия. Чтобы получить квартиру, мы с мужем устроились на работу в одну из жилконтор Адмиралтейского района города: он дворником, я куратором. Рахим нашел помещение, и мы создали свой продовольственный кооператив «Талисман», ставший в последующем хорошо известным в Санкт-Петербурге рестораном «У тети Аиды».

Нестану вам рассказывать, через какие трудности мы прошли. Все мы смотрели сериал «Бандитский Петербург» и помним перипетии тех времен. Полки магазинов были пустые. Муж со своим другом поехали в Украину и привезли большую партию колбасы. Я попросила у них два ящика и объяснила, что хочу собрать всех ветеранов и блокадников нашего района и вручить им продуктовые наборы, а привезенная ими продукция из соседней республики оказалась бы неплохим подспорьем в этом наборе. Они решили меня поддержать. Наверное, это были мои первые шаги на стезе благотворительности. И тогда, и теперь я это всегда делала и делаю

исключительно для блага других.

Моя бабушка мне часто говорила: «Никогда не рассказывай о своих добрых делах. Это Всевышний дает возможность через тебя творить благие дела, и ты не должна этим гордиться».

— А есть ли в Вашей жизни те, на чьи советы Вы опираетесь или чьей мудростью руководствуетесь?

— Конечно же, это моя первая учительница Бажив Алиевна, чей светлый образ я храню в своей памяти. Человек мудрый, широкой души и неукоснительных жизненных принципов. Мы учились у нее оптимизму, светлому взгляду на жизнь, сочувствию.

— Может быть, мой вопросозвучит несколько нескромно. А Вы кому-нибудь завидуете?

— 4 года назад в Санкт-Петербурге погибла моя сестра Загидат, ее сбила машина. Это стало страшным испытанием для всей нашей семьи. Она умела прощать своих обидчиков. Я так не умею и не скрою: вот ей я завидовала.

— Есть ли в мире уголок, о котором вы чаще всего вспоминаете?

— Когда мы с мужем и дочкой отдыхали на курорте, я сильно заболела, мне совсем стало плохо. Каждый вдох давался с трудом. Лёжа под капельницей, я уже мысленно прощалась с близкими людьми, с теми, с кем меня свела судьба. И тогда я обратилась к Аллаху. Я сказала, что очень довольна своей жизнью. Довольна тем, что стала женой, матерью, бабушкой, что я сама утвердила, помогала людям. Сумела поставить на ноги детей и направить их на правильный путь. Все, что могла, я сделала. И если есть те, кто нуждается все еще в моей помощи, я хотела бы жить. А если нет, значит, такова моя судьба.

Когда мне стало легче и я пошла на поправку, мы с Рахимом решили совершить паломничество в Мекку. И слава Всевышнему, это свершилось! После возвращения из хаджа я собрала близких и сказала им:

ЛИЧНОСТЬ

«До сих пор я жила ради вас, теперь дайте мне жить как суждено, как велит мое сердце». И я с еще большим рвением и настойчивостью окунулась в благотворительную деятельность.

Я часто бываю в родных краях, и меня очень волнуют проблемы наших земляков, по мере возможности откликаюсь на все их невзгоды. Но самой заветной и неосуществлённой моей мечтой остается строительство школ в Аджимажагатюрте, где я родилась, и в Байрамауле, который стал для меня вторым родным домом. Не теряю надежды, что при поддержке местных и республиканских властей дети в этих селах наконец-то начнут ходить в новые школы.

– Этот год в России объявлен Годом семьи. Что для Вас значит семейное счастье?

– У меня прекрасные дети, славные внуки, всю жизнь бывший мне опорой достойный муж. Каждый из нас чувствует себя любимым и значимым и знает, что близкие понимают его, ценят и обязательно протянут руку помощи. Разве это не счастье?!

Мы с Рахимом не знаем, что такое подвести друг друга, обмануть, изменить. Конечно, и ссоры бывают, да такие, что кажется, вот-вот крыша рухнет. Как же без них! Но мы быстро отходим. Стремимся не обижать друг друга. А самое главное – о своих семейных «баталиях» мы никому не говорим.

Когда-то мы с мужем стали неким мостиком между малой Родиной и северным городом. Надеюсь, и дети наши с внуками продолжат прокладывать такие мосты.

– Оказывается, Вы, Аида Абдулкадыровна, помимо прочего, еще пишете стихи. Кому и чему они посвящаются? Помните ли свое первое стихотворение?

– Оно появилось, когда не стало мамы. Ей было всего 47 лет. Мне сейчас трудно передать словами все, что я пережила. Просто раньше у тебя болело сердце, теперь навечно будет болеть душа. В поэтическом сборнике с фотографиями, который я выпустила, есть целый цикл стихов о маме, о близких мне людях, о моих учителях.

Вдохновило меня и 100-летие Уллубия Буйнакского, написала и о нашем славном Герое России

Абдулхакиме Исмаилове, водрузившем Знамя Победы над Рейхстагом. К слову будет сказано, я являюсь членом Санкт-Петербургского отделения партии «Единая Россия».

Я хочу выступить инициатором названия одной из улиц северной столицы именем Абдулхакима Исмаилова и установки ему памятника. Я знаю, в Дагестане этот вопрос давно поднимался, но никак решить не могут.

– И в заключение нашего разговора, что бы Вы пожелали читателям нашего журнала, дагестанкам?

– Наши народы очень терпеливы и очень мудры. Думаю, мы все невзгоды преодолеем. В Год семьи желаю всем мира и покоя. Любите близких и будьте любими!

Аида Акавова – помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ 8-го созыва, члена комитета по культуре Сергея Анатольевича Соловьева. Награждена высшей наградой республики с вручением золотой звезды «Народный Герой Дагестана» (2021 г.).

АЛАВ АЛИЕВ

Рассказ Сулеймана о себе

С. Стальский и Э. Капиев

Мать была беременна мною, когда отец ни с того ни с сего выгнал ее и женился на другой. Я родился у дяди в хлеву. Очень оскорбленные поступком отца, мои родственники выместили это на мне: тотчас же, не дав мне даже попробовать материнского молока, они завернули меня в драный палас и подкинули к отцовским воротам. Так, с обиды, и началась моя жизнь. Соседка, у которой в ту пору родился мертвый ребёнок, из жалости кормила меня грудью, обзвывая щенком. До семи лет я оставался у нее. Потом отец однажды увидел взрослого мальчика в соседском дворе: «Ба, да это же мой сын!» – и взял меня в свою саклю. Отец мой был крестьянином, но очень неудачливым. Он обрадовался слушаю взвалить на сына часть своих забот и сразу же стал крикливым, как ковха.

Сакля его была полна новых детей. Нелюдимая мачеха прятала от меня кукурузные лепешки. Я рос, как и родился, в хлеву, рядом с буйволом. Не помню ничего об этой поре, кроме навозного запаха. Потом заболел отец и стало совсем страшно. Я не знаю, что это была за болезнь, но его мучила тоска и днем и

ночью, как жажда. Он много думал и когда, наконец, поднялся с постели, – оказалось, отец сошел с ума. Целыми днями он собирал по улицам камни, приносил их домой полные пазухи и прятал от людей, называя это богатством. Я вспоминаю отца, внезапно поседевшего, с желтыми глазами... Он умер, оставил на руках у матери шестерых детей и разбросанные по всему двору кучи речного булыжника...

Меня не вините, друзья, что не могу назвать ни одной точной даты. То были не такие времена. По всей округе у нас только два человека умели читать, да и то начальник почты и старшина, который носил соломенную шляпу.

Я был, наверное, тринадцатилетним, когда ушел из своего аула. В Дербенте меня призрел богатый еврей. Я ухаживал за его трёхвёрстными виноградниками, сторожил конюшню, рубил дрова, чистил двор. Четыре года батрачил я у этого человека, ни зимы, ни лета не замечая.

А когда уволился, оказалось, мне снова некуда себя деть, и карманы мои по-прежнему пусты. Тогда я вернулся в аул. Но в Ашага-Стале всегда было батра-

К 155-ЛЕТИЮ СУЛЕЙМАНА СТАЛЬСКОГО

ков больше, чем надо, и долгое время мне пришлось перебиваться подённой работой у соседей.

Я был молод. Это очень унизительно, друзья: молодому человеку просить подённой работы у соседей. Люди рассказывали, будто недалеко, в Гяндже, англичане арендуют у царя земли, где добывают какие-то корни. Там нужны рабочие; и вот вместе с другими я вскоре уехал в Гянджу.

Два года работал я на этих плантациях, жил впроголодь, болел малярией и, наконец, не выдержав, сбежал. Это была настоящая ловушка: я не только ничего не заработал, но даже остался должен в харчевне, где кормили нас коровьими кишками. Из Гянджи я, и сам не помню как, добрался до Самарканда. Там я устроился чернорабочим в депо и работал несколько лет подряд. Затем около года работал я на постройке моста через Сыр-Дарью. Очень много увидел и узнал я за эти годы. А главное, я узнал, что везде и всюду было одинаково трудно рабочему человеку, что уйти самому от себя невозможно, что бедные люди и на Сыр-Дарье и в Ашага-Стале одинаково несчастны. Тогда потянуло домой: скорее на родину, где могилы працедов. Но денег оставалось мало.

Я застрял в Баку и с трудом устроился на нефтяные промыслы. Проработал там около двух лет. Жил все это время скромно, и, когда с грехом пополам накопилось немного денег, оказалось, что я уже тридцатилетний мужчина, у меня борода и я уже старею. Надо обзаводиться семьей!

В то время это была страшная забота для бедняка. Но мне повезло впервые в жизни. В ауле я нашел круглую сироту – дочь Орта-Стальского объездчика. Мне уступили ее за небольшой выкуп, нас поженили, и я навсегда остался в ауле. Шли годы. Как вспомню теперь, очень тяжелые и безрадостные. Своими руками, вместе с женой, мы построили маленькую саклю. Не доедали, не досыпали, завели огород. Огород охраняла жена, а я в это время жал у людей пшеницу. Так жили мы на окраине аула пять лет, стараясь быть похожими на людей; но только люди в то время были не похожими на себя...

Однажды, возвращаясь к обеду домой, на одной из улиц я заметил множество народу и удивился: «Что случилось? Или умер кто?» А надо вам сказать, что люди в то время избегали друг друга. Беднота выходила и возвращалась домой почти украдкой, ибо каждый день по аулу рыскал ковх и ловил встречных на бесконечные повинности, на рытье канав, косьбу сена. «Что же случилось?» – подумал я и подошел к толпе. Посреди улицы сидели бродячие ашуги с бубнами в руках и пели песни о соловье, тоскующем по солнцу. Ашугам бросали в подолы серебро и медаль. Ашуги были одеты в лохмотья и пели с закрытыми глазами, как будто сквозь сон. Постоял я с народом, послушал. «Черт возьми, ведь это все давно лежит у меня на душе. Постойте-ка, постойте!»

– Султан, – сказал я соседу, – ведь я каждый день говорю про себя то же самое, почему же мне

до сих пор не пришло в голову спеть об этом, ты не знаешь?

На меня обернулись все собравшиеся (как раз в то время ашуги кончили петь).

– Ведь это мои слова! – крикнул я, расстегивая ворот бешмета, потому что мне стало совсем жарко.

– Куда тебе, убогий, – ответили мне. – Ты на себя посмотри: разве эти слова подходят к твоему носу, соловей ты! Сосед сказал это, и вдруг вся улица затряслась от смеха. Был полдень. «Ого, – подумал я, – почему же не полночь теперь...»

– Ведь это не силой, это не хитростью и не деньгами, а человек поет от сердца, – сказал я. – Разве мое сердце не из мяса, над чем вы смеетесь, эй, люди?

Домой я вернулся пристыженный.

– О соловье может всякий спеть, – прошептал я дома жене и, взяв в руки вместо бубна свою папаху, впервые в жизни начал слагать стихи:

...Влюблен без памяти в цветы,
Не замечаешь разве ты
Страданья, муки нищеты,
И плач, и стоны, соловей?

Это слова из первой моей песни, которую я все-таки сложил к концу того же дня. Я прочел ее друзьям, но друзья не поверили...

Песни свои я привык слагать в поле во время работы. Возвращаясь под вечер в аул, я часто присоединялся к друзьям и по дороге оглашал им то, что сложил за день. Я даже не заметил, как это вдруг мои песни стали повторяться в ауле. Я не распевал их и не записывал. Мое новое занятие оказалось трудным и очень неспокойным для честного человека. Оно стало причинять мне много хлопот и приносить мало радости.

Как-то во время отдыха у родника мы разговорились о мирских заботах. Прохожий мулла остановился здесь помолиться Богу и после молитвы ради приличия ввязался в беседу. У меня тогда было плохо на душе: в тот день засудили моего знакомого, старого садовника, за долги его сына, неделю назад убитого кровниками. Я сложил песню и спел ее громко. Мулла обиделся. Он ткнул меня посохом в грудь и начал кричать:

– Где это слыхано, чтобы голодранцы учили царских судей? Паршивый хвост! Твое дело плестись сзади, а думать за тебя, слава богу, поручено голове. Или, может быть, ты видел где-либо, чтобы ходили задом наперед? Скажи-ка!

Я вскочил с места: это обожгло меня.

– Интересно, – сказал я, – разве на хвосте растут такие руки, – и, взявшись за плечи, чуть-чуть приподнял муллу над родником. Тогда мои товарищи рассмеялись и, по-моему, испортили все дело. Мулла побелел и умчался в аул. За мной явился старшина. Меня забрали в канцелярию, допрашивали и пытались посадить в тюрьму. Но пришли друзья. Они поклялись на Коране, что это просто недоразумение, и Сулейман, дескать, вовсе не со зла показывал силу своих рук. Меня отпустили, строго-настрого предупредив, чтобы ни-

когда больше не слагал я «грязных» песен. Я обещал. Что мне оставалось делать? Правду говорить нельзя, а неправду говорить в стихах невозможно. После этого я много лет не оглашал новых песен, потому что не хотел рисковать своими глазами...

Когда-то давно в Кюринских горах жил у нас владетельный хан Мурсал. При нем был поэт, бедный ашуг Саид Кочхюрский. Слава Саида шла далеко, а хан не любил, чтобы при нем о других говорили хвалебное. Он скучал. Позвали ашуга. Пой! – сказал хан. Саид спел. – Ты хорошо, кажется, спел, – сказал хан. Ты мастер, конечно, но почему ты смотришь так дерзко? ... и выколол глаза ашугу. Я слышал об этом не раз и хорошо помнил это. И потому решил «беречь свои глаза»...

Однажды я отправился в город на заработки. К тому времени обо мне как о поэте уже знали в народе, и, останавливаясь в Ашага-Стале, прохожие часто спрашивали о Сулеймане.

В Дербенте после целого дня поисков работы я ночевал в караван-сарае. Я был измучен, спал на полу. Вдруг слышу сквозь сон: кто-то поет мою песню. На сердце у меня стало непонятно радостно и сладко, и я впервые тогда почувствовал, как слезы стали подступать к горлу... Со мной рядом в общей гостинице спало множество народу, таких же бедняков, как и я. Среди них были и лезгины. И вот я слышу сквозь сон, как мою песню начинает заглушать другая, очень громкая и неуместная. То пел даландар. Он начал спорить с бедняками, выдавая себя за лучшего певца и требуя от них в знак признания по четверти абаза. Те отказывались, даландар настаивал. Тогда встал я.

– Эй, герой! – сказал я. – Ты от себя поешь или так, иногда чужое повторяешь?

– От себя.

– Тогда спой-ка, пожалуйста, об этом караван-сарае и о нас, несчастных. Даландар струсили. Ждал, ждал я и, не выдержав, начал по-своему. В караван-сарае стало тихо, как в лесу. Всю ночь напролет слагал я песни, а на утро даландар снял свою папаху передо мной и отказался принять плату за ночлег...

Так, от случая к случаю, я слагал песни, подобно тому как горячую, обжигающую рот пищу глотают осторожно, по маленькому кусочку... Прошло пять лет. И вот слышу я однажды весной, что царя свергли, что все теперь равны, что настала свобода, так необходимая народу. «Какая же это свобода, – думаю я. – В судах по-прежнему властвуют над нами – интересная свобода, если только правда это».

Но потом закружилось время. То англичане, то деникинцы, то бичераховцы, то аллаверды – кто их разбирал, кто их выдумал? В то время я еще ничего не знал о большевиках, хотя и чуял сердцем, что кто-то должен прийти желанный народу и разогнать этот базар. Я думал много. Мимо моей сакли проезжали люди и спрашивали моего совета. Но я не всегда торопился с ответом. Я знал: язык не нога – споткнувшись языком, часто остаешься лежать на земле, не в силах подняться.

Однажды в Касумкент пришли интервенты и повесили трех моих односельчан. За что? Оказывается, они были большевиками и шли из Баку к нам на помощь...

«Ого, – подумал я, – земля наша, горы наши, а люди, которых вешают и убивают, ведь тоже наши... Что же это такое? Значит, большевики – это, выходит, мы сами, а чужие люди тут хозяйничают?»

В тот же день на улице встретился мне мой бывший хозяин.

– Сулейман, – сказал он, – почему ты не сложил песню в честь Казим-бека. Или бережешь ее для большевиков?

Я промолчал.

– Этот мир – колесо, – прибавил хозяин, – все время крутится, все время крутится...

– Неправильно крутится, – оборвал я его.

– Постой, постой, уж не просится ли твоя шея на крючок?

– Нет, – ответил я. – Крючок любит сало, а шея моя сплошь из мозолей...

В тот день, наверное, в моей крови одна капля заговорила по-большевистски. Я не стал мешать ей, я дал ей волю... Ее голос оказался властным. Он стал родным...

Перевод Эффенди Капиева

БЕРЕГИ, ВСЕВЫШНИЙ, НАШИХ СЫНОВЕЙ!

Мать героя...
Что стоит за этим гордым
званием?
Кто может понять чувства
женщины, проводившей сына
воевать?
Каждый день, каждую минуту,
каждую секунду сердце объято
огнём – огнём страха и надежды.

Нашей героине повезло: её сын вернулся. Вернулся героем! – Я горжусь своим сыном вовсе не потому, что он стал Героем России. Мой Энвер с малых лет был нашей опорой и гордостью. Он все делал на совесть: учился, занимался боксом, помогал нам, воспитывал младшего брата. Не поверите, но он, учась в Казани в военном училище, досконально знал, с кем брат дружит, как учится, какие у него проблемы. Мы не знали, а он знал! И его упорство всегда меня удивляло – такое хорошее, правильное упорство, когда идёшь к своей цели и уверен, что обязательно добьешься.

Этими словами начала свой рассказ Суна Нейфеловна, мать Героя России Энвера Набиева. Она сразу расположила к себе удивительным спокойствием и внутренней гармонией, отражающейся в лучистых карих глазах, обрамленных девичьими густыми ресницами. И улыбка прекрасная, именно прекрасная, от которой светлеет на душе...

Она не спеша ведет свой рассказ, и в нем нет даже намека на пафос или вычурность

– Родом мы с мужем из высокогорного села Джаба в Ахтынском районе. Село старое, жители многие разъехались кто куда, но связи друг с другом не теряют. Наше село очень дружное. Собираться вместе на мероприятия – это праздник для всех; старшие обязательно приводят младших, чтобы дети познакомились и дальше тоже поддерживали друг друга. Аксакалы следят, чтобы никто из сельчан не затерялся, не остался один на один со своими проблемами. Это традиция давняя, и она строго соблюдается уже много поколений.

Мы с мужем выросли в многодетных семьях: в его семье 13 детей, в моей – пятеро. Большая семья приучает с детства к ответственности и чувству долга, это хорошие качества для жизни.

Я выросла в Махачкале, муж в Каспийске, мы поженились в 1987 году. Год спустя родился Энвер, чуть позже – младший сын. Времена, сами знаете, были непростые. Перестройка, развал страны. Нам пришлось переехать в другой город на гражданскую работу в военном городке. До этого Энвер, уже глядя на своих двоюродных братьев, хотел стать военным, а после жизни в военном городке его решение стало твёрдым: «Я буду танкистом!» Он хорошо учился в школе, мог выбрать любую специальность, но тут проявилось его легендарное упорство. Поступить в Казанское высшее военное командное училище получилось только на третий год, но он ни разу не отступил, не засомневался.

Мы сидели и слушали размеженную речь Суны Нейфеловны и понимали, через какой ад прошло сердце этой женщины. Ведь награду офицер получил за героизм в зоне СВО! Какой женщине не понять другую, вздрагивающую от каждого звонка телефона или стука в дверь... Она сейчас уже спокойно рассказывала о том, как он скрывал от родителей, что с первых дней спецоперации находился в самом пекле и даже умудрялся изредка звонить или писать смс-ки, уверяя, что лечит в санатории бронхит. Отсутствие связи тоже объяснял тем, что санаторий в лесу, вдалеке от центра.

Энвера в течение года четыре раза представляли к награждению орденом Мужества. Заслужить такую награду означает проявить реальный героизм и самопожертвование в самых сложных боевых условиях. Супруги Набиевы, узнав о представлении сына к награде, уже понимали, что пришлось

пережить Энверу, но... Это его судьба, его удел, его дорога – быть на страже независимости и безопасности страны.

– Сын начинал спецоперацию командиром танковой роты танкового батальона. Нам рассказывали, что кадровый офицер Энвер проявляет себя как строгий и требовательный старший брат, но при этом он заботится о своих бойцах и, если нужно, рискует сам. Это часть его натурьи, он просто не умеет по-другому.

Признаюсь честно, как мы ни пытались у сына, за что же он Героя получил, он всегда отшучивался и так и не признался.

В августе 2022 года приехал в отпуск после сквозного ранения в ногу и всячески прятал от нас, родителей, свою хромоту. Тогда мы ещё не знали о награде, мы просто радовались, что наш мальчик с нами, старались использовать каждый день рядом с ним. Перед днем города, 15 сентября 2022 года, Глава Республики Сергей Алимович позвонил Энверу и пригласил его на празднование и предупредил, что объявит о том, что ему присвоено звание Героя России. Для нас это было большой неожиданностью, тем более что мы практически ничего об этом не знали. Потом была поездка в родное село – весь джамаат вышел встречать Энвера, всем хотелось пожать ему руку, сказать теплые слова... Это была очень трогательная поездка.

Позже, в ноябре, меня предупредили, что Президент В.В. Путин встретится с матерями Героев России ко Дню матери. 10 дней все участницы встречи провели на карантине, а накануне встречи нам показали план размещения за столом с президентом. Мне было страшновато – получалось, что я практически напротив него буду сидеть. Для меня, не привыкшей вообще к публичности, было тревожно: вдруг забуду, что я хотела сказать, вдруг косынка сползёт с головы, вдруг кашель начнётся... Что только не приходило в голову! Но все прошло хорошо, атмосфера встречи была очень теплой, и президент был таким же, каким мы его знаем, – пронзительный, острый взгляд, легкий прищур глаз... С ним легко говорить, он тебя слышит. Стоять во главе огромной сильной страны и слышать маленькую женщину – это не просто качество, это большой человеческий талант.

С тех пор и по сей день я в группах в соцсетях общаюсь с матерями наших ребят, это моя отдушина. Здесь матери со всей нашей огромной страны, но вы себе не представляете, как мы все похожи! У нас одинаковые мысли, одинаковые тревоги и радости, бессонница и вера... Без веры нам нельзя, только наши материнские молитвы охраняют наших детей, только надежда на силу Всевышнего дает покой нашим сердцам.

Не могу не сказать о том внимании, которое оказывается семьям участников СВО: к нам приезжают на каждый праздник, следят за тем, чтобы все наши проблемы решались быстро – будь то место в детском саду или коммунальные проблемы. Такое внимание не только к родителям героев – ко всем семьям ребят, кто рискует жизнью на спецоперации. Сейчас, пользуясь случаем, хочу поблагодарить руководство Республики, руководство Ахтынского района и администрацию Каспийска за поддержку, помочь и внимание к нашей семье.

Время текло незаметно, мы уже заказали второй чайник чая, Суна показывала нам фотографии Энвера на тренировках, дома с младшим братом, с женой и двумя детьми. И столько было в её взгляде тепла и гордости, нежности и тревоги...

– Чего я от себя не ожидала, так это интереса к общественной жизни города, Республики, страны. Я внимательно слежу за тем, что происходит в Дагестане. Душа радуется, когда ремонтируются и строятся новые дороги, открываются новые школы и детсады, Дома культуры и стадионы.

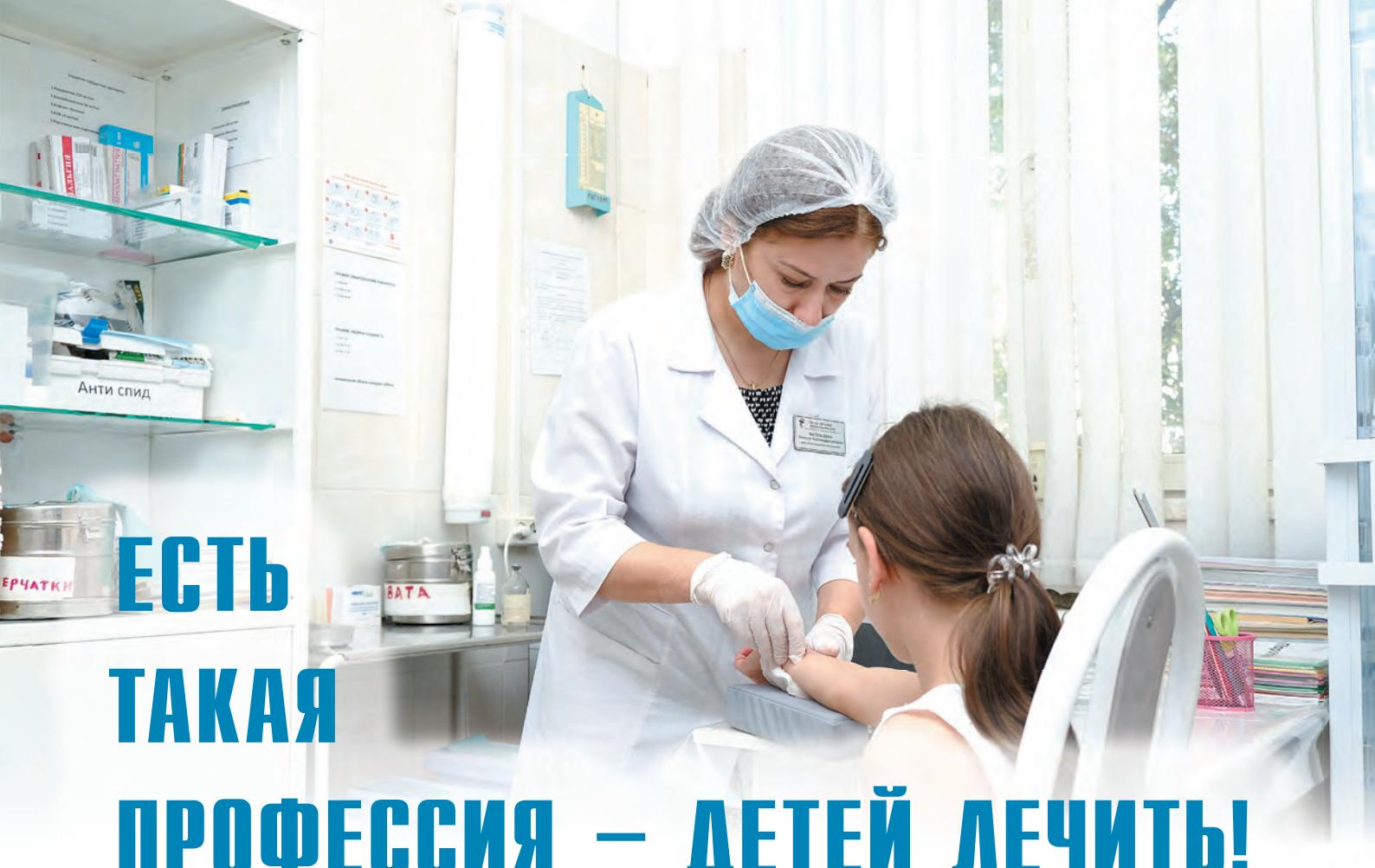
Я уже говорила, что Сергей Алимович с первых дней поручил поддерживать семьи участников СВО. Под его началом вся Республика обновляется – таких грандиозных преобразований Дагестан не видел давно. За это хочу ему сказать наше материнское спасибо!

Помню, у Фазу Гамзатовны есть удивительно правильные слова: куда бы ни летела пуля, она попадает в сердце матери...

В своих молитвах я прошу у Всевышнего здоровья и выдержки всем нашим сыновьям, а матерям – покоя на сердце. Пусть над нашими детьми небо будет мирным, а грохот в нем только грозы...

Попрощавшись с Суной Набиевой, мы или по Каспийску и любовались молодыми мамочками с колясками, пенсионерами, степенно прогуливающимися по набережной. Кто-то кормил голубей, кто-то торопился с ноутом через плечо, кто-то просто сидел на скамейке, говорил по телефону, пил кофе... И мы понимали, что вот всему этому бесконечно разнообразному миру есть место в сердце матери. А Энвер стоит на страже её покоя. И пока сыновья стоят – мать выдергивает всё!

Сульгият БУЛГАЕВА

ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ – ДЕТЕЙ ЛЕЧИТЬ!

Профессия детского врача – одна из самых сложных и ответственных, ведь она подразумевает взаимодействие с самыми маленькими пациентами, которые очень уязвимы и ранимы и не могут объяснить, что у них болит.

О работе большого дружного, в основном женского, коллектива Махачкалинской поликлиники № 2 под руководством главного врача Муслимат Маликовны Гаммаевой, заслуженного врача Дагестана, рассказали медицинские работники этого учреждения.

– Как вы справляетесь с детскими недугами?

– Благодаря огромной ответственности, стрессоустойчивости и терпению – это самые важные качества детского врача. Ведь врач учится всю жизнь, – говорит Муслимат Маликовна. – У нас замечательный коллектив. Все сотрудники нашей детской поликлиники очень доброжелательные, жизнерадостные и чуткие люди. Всегда придут на выручку коллегам, помогут словом и делом. У нас профессиональные качества на высоте: грамотные, высококвалифицированные, любящие свою профессию и живущие своей работой врачи и медсестры. Они знают, что к каждому маленькому пациенту необходим индивидуальный подход. Мы постоянно повышаем квалификацию, посещаем конференции и лекции для расширения профессионального кругозора, следим за новостями медицины, читаем профильные журналы, сайты, – продолжает главврач поликлиники.

– Педиатрия идет в ногу со временем, улучшаются условия работы, расширяются возможности диагно-

стики и лечения. Конечно, у нас их не так много, как в столичных медицинских учреждениях, однако потенциала наших врачей вполне хватает на то, чтобы оказывать медицинскую помощь на самом высоком уровне. Доктора используют в своей работе современные стандарты диагностики и лечения.

– Как родители относятся сегодня к здоровью детей?

– Большинство родителей внимательны и чутки к здоровью своих чад, ответственно относятся к рекомендациям врачей, добросовестно выполняют все предписания, поэтому их дети, если и болеют, то без осложнений и быстро идут на поправку. Есть мамы, которые интересуются медициной. С ними очень легко работать, я бы даже сказала сотрудничать, ведь мы делаем с родителями общее дело во благо здоровья наших детей.

– Какие проблемы у вас есть?

– Ложка дёгтя, конечно, в нашей работе тоже есть. В некоторых случаях педиатрам приходится работать с детьми, родители которых не хотят лечить по рекомендациям и рецепту врача, они ярые противники вакцинации, не занимаются профилактикой и закаливанием. Часто нам приходится работать с осложнениями, связанными с самолечением. И таких родителей становится все больше.

Наша большая проблема – высокая заболеваемость корью и свинкой. Они дают тяжелые осложнения, инвалидизацию и трагический исход. Бывают и необоснованные вызовы на дом. Это отнимает силы и время, которые нужны другим нашим маленьким пациентам. Территория участка очень большая, один врач охватывает не менее 30 километров по периметру. К нам относится и поселок Талги, а там уже более 800 детей, – поделилась Муслимат Маликовна.

В беседу вступила Айшат Расуловна Гереева, заведующая 4-м педиатрическим отделением, и отметила, что медработники в поликлинике перегружены.

– Жители, прописанные в районах Дагестана, почти все фактически проживают в Махачкале. Мы не можем не принять больных малышей.

Недавно поликлинику расширили. Мы получили дополнительное помещение, и теперь там принимают наши участковые педиатры, а в главном корпусе ведут прием «специалисты». А руководит ими Марина Амирханова – заведующая отделением узких специалистов.

Марина Газимагомедовна рассказала нам, что в отделении работают квалифицированные профильные врачи.

– При диспансеризации наши врачи узкой специализации – неврологи, офтальмологи, кардиологи, эндокринологи и другие – выявляют тяжелые и редкие генетические заболевания.

Вот недавно на прием привели девочку с подозрением на ангину, а я как лор-врач выявила у девочки подозрительный лимфоузел. Это была не ангина. Я дала рекомендации обследоваться. Они прошли все обследования и обнаружили онкологию щитовидной железы. Другого ребенка привели к врачу-хирургу с однократной болью в животе, обычно таким детям не назначают обследования, но ему сделали УЗИ и увидели там доброкачественную опухоль кишечника. Его прооперировали в Детской республиканской клинической больнице, и теперь у мальчика все хорошо.

Надо отметить, что медсестры в любом медицинском учреждении играют важную роль. В поликлинике № 2 главная медсестра Айшат Курбановна Бибалаева работает более 50 лет, и не просто работает, а живет своей работой. Весь коллектив знает, что Айшат Курбановна не только ветеран труда, она заслуженный работник здравоохранения СССР и отличник здравоохранения СССР, награждена Орденом Ленина за сохранение мира и дружбы между народами. Душа коллектива, она умеет создавать приятный микроклимат на работе, настраивать на продуктивный лад, оперативно реагировать на возникающие ситуации и находить верные решения. Вовремя подскажет, бывает, что и поругает. Не без этого!

Об организации работы поликлиники рассказала старшая медсестра отделения узких специалистов Цибац Магомедова.

– У нас сформирован алгоритм прохождения профилактического осмотра ребенка за 2 часа в детских садах и школах, чтобы не водить детей в поликлинику. Один из самых главных принципов для нас – «не пациент идет к врачу», а «врач идет к пациенту». Это позволило сразу увеличить удовлетворенность пациентов качественной и доступной медицинской помощью. Мы разделили работу на два этапа: первый этап – подготовительный, а второй – непосредственный визит в поликлинику. Это очень удобно для детей и их родителей, – подытожила Цибац Магомедова.

Хочется обратиться к родителям: берегите своих детей, берегите и наших докторов! Они хотят, чтобы ваши дети были здоровы, и делают для этого всё возможное и невозможное.

Кстати сказать, врачи и медсестры детской поликлиники – заядлые читатели журнала «Женщина Дагестана». Они уже много лет подписываются на наше издание, знают – если не лично, то по публикациям – всех авторов. Активно обсуждают проблемы, поднятые на страницах журнала. И очень рады, что в очередном выпуске об их работе смогут прочитать на семи языках Дагестана.

ВИОЛЕТТА РАТЕНКОВА

ЛЮБЛЮ ЯЗЫК ТЕХ ПЕСЕН КОЛЬБЕЛЬНЫХ...

Родная речь для нее – нечто большее, чем язык общения. Это то кровное, что обновляет ее организм чудодейственным духовным эликсиром, прибавляющим силы, поднимающим тонус, позволяющим расширять познавательное поле.

ЯЗЫК МАТЕРИ...

Многообразный, мелодичный, он влечет ее, заставляя вновь и вновь находить в родной речи то бесценное, что может изменить мир, направив духовный, нравственный ориентир последующим поколениям. В этом она видит свое предназначение, свое кредо.

Сейранат Абдуллаеву, табасаранку родом из высокогорного села Ханаг, можно смело назвать подвижником родного языка, его хранителем.

– Обновления языка, – говорит она, – это его жизнь, его сущность, отражение общественных, политических реалий, духовно-нравственного развития народа. По сути, язык – это живое существо.

Она вспоминает, как мама говорила на родном языке – образно, ярко, красиво.

Детей в семье воспитывали в заботе и ласке, но и требовали от них хорошей учебы, послушания. За каждым родительским поступком они ощущали опеку, желание дать возможность самостоятельно принимать решения, чувствовать ответственность старшего перед младшим.

– Мы понимали, что родительская сдержанность и строгость – это и есть любовь, желание воспитать достойных продолжателей рода, предки которого славились честью, доблестью, крепостью духа, мужеством. Отец так говорил: «И у строгости есть своя доброта, и у доброты есть собственная строгость. И от доброты, бывает, гибнет друг, а от строгости таланты расцветают». Мудрость этих слов я поняла с годами, – замечает наша героиня.

Сейранат рассказывает об истории существования народности со времен античной Кавказской Албании, на ее формирование повлияли азербайджанская, арабская, персидская, русская культуры, что внесло в жизнь табасаранцев неповторимые языковые традиции.

ШКОЛА ЖИЗНИ...

– Свои первые шаги в ремесле моих предков я сделала до того, как села за парту. Мои три сестры, как и я, сидели за станком, повторяя за мамой узоры, как та повторяла за бабушкой. И, может быть, это и было для

нас главным уроком приобщения к культуре своего народа. Сколько себя помню, мама оставалась для нас непререкаемым авторитетом, раскрывая секреты ткачества, помогая подбирать цвета. Я старалась быть хорошей ученицей, чтобы раньше других связать узелки на своем отрезке.

В семь лет пошла в ханагскую восьмилетнюю школу. И мой первый учитель, Зульфукар-мялим, которого и сегодня я считаю учителем с большой буквы, стал не просто наставником, но и научил меня и моих сверстников грамоте, усидчивости, ответственности. Открыл дорогу в родной язык, родную литературу. Особенно я полюбила поэзию. И сама писала стихи в тетрадку, никому не показывая.

Большую роль в моей жизни сыграла и русская учительница Анна Ивановна Дубровина. Она преподавала русский язык и литературу. И на всю жизнь я запомнила ее необыкновенные рассказы о писателях. Домашняя библиотека учителя стала любимым местом, куда я приходила, чтобы окунуться в мир литературных героев. И сегодня говорю: сколько буду жить, столько буду помнить своего наставника!

В прошлом году, объявленном годом педагога, я написала письмо своей учительнице в знак безграничной любви и благодарности за то, что, приехав в суровые военные годы в крохотное высокогорное село, проработав здесь более сорока лет, она посвятила жизнь горским ребятишкам, воспитав их грамотными, образованными людьми. Здесь она нашла, как и многие русские учителя, приехавшие в Дагестан молодыми специалистами, свою судьбу. И памятник русской учительнице, установленный в Махачкале, – это дань уважения к тем, кто внес неоценимый вклад в культуру республики.

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ...

Долгие годы наша героиня проработала на заводе точной механики в Каспийске, куда переехала после замужества. Но в перестроечные времена, когда на заводе снизилось количество госзаказов и завод перестал работать в прежнем режиме, перешла работать в

ЦБС г. Каспийска библиотекарем. Поступила в ДГУ на филологический факультет.

— И я поняла, что в моей жизни начался новый период. То, о чем мечтала в юности, — свершилось!

Для нее событием огромной важности стала работа в Кадетской морской школе-интернате им. М. Гаджиева, где в коллективе таких же, как она, молодых педагогов она обрела профессиональный опыт работы с детьми, стала для них добрым другом, наставником. Она старалась не ограничиваться рамками только одного предмета и приучала своих учеников размышлять, сопоставлять, логически мыслить.

— У меня изначально существовала тяга к знаниям, и не только к литературе, поэзии, но и философии, истории; процессам, сопровождавшим эпохи перемен, меняющим картину мира. Хотелось познать все, что окружает меня, чтобы передать своим ученикам знания.

Педагог является руководителем литературного клуба «Журавлик» при Союзе писателей республики, членом редколлегии журнала «Соколенок». За короткое время «Журавлик» зарекомендовал себя как клуб профессиональных чтецов, выступающих во всех значимых республиканских мероприятиях.

— Для меня клуб стал отдушиной, той формой существования, что дала мне возможность увидеть результаты своего труда, — продолжает Сейранат Гаджиумаровна. — В год столетия Р. Гамзатова совместно с Театром поэзии и Союзом писателей Дагестана, РГВК мы реализовали телевизионный проект — поэтический фестиваль «Наш Расул» в литературном музее Р. Гамзатова.

— По сути, мы проводим большую духовно-нравственную, просветительскую работу, учим детей любить свой край, знать его историю. А справляясь с освоением сложных текстов помогают, помимо филологов, профессиональные поэты, писатели. Большой интерес вызывают у детей встречи с именитыми дагестанскими поэтами, писателями, раскрывающими секреты языкового мастерства. И дети горят желанием творить, браться за трудный литературный материал.

РОДНОЙ ЯЗЫК КАК ШКОЛЬНЫЙ ПРОЕКТ...

Так же увлеченно Сейранат Гаджиумаровна рассказывает о своей работе в Каспийском центре образования — школе № 15 имени Героя РФ В. Г. Казанцева.

— Для меня родной язык, который я преподаю, — это осознание своей причастности к родному народу, его культуре, истории.

Мое знакомство с замечательным человеком, коллегой, талантливым педагогом Гульмирай Ширинбековой, с которой мне посчастливилось работать, привело к осознанию, что и я должна внести свой вклад в сохранение и пропаганду родных языков. Я получаю радость и удовлетворение, когда мои ученики говорят на родном языке. К сожалению, обойтись без родительской поддержки педагогу трудно. Не все

родители понимают, что равнодушие и безразличное отношение негативно сказываются на мировоззрении ребенка, на осознании важности освоения родного языка, — замечает Сейранат Гаджиумаровна. — Для языкового подспорья вроде и создано немало методичек, аудио-книг, мультфильмов на родном языке. Но все эти информационные носители вторичны. А главная роль в знании языка принадлежит семье.

Вы знаете, обращаясь к своим ученикам, я говорю им: «Вы будущее нашего народа, и я хочу, чтобы вы говорили и думали на родном языке. В этом я ваш друг, наставник, помощник. А вместе мы сила». Часто привожу в пример слова дагестанского классика Р. Гамзатова, однажды сказавшего: «Жил в горах народ. Спустился и стал населением». Ведь трагедия не только в том, что языки теряют свою актуальность и значимость, но и в том, что пустеют села. Всех манит городская суeta, а не умиротворенность и красота наших гор.

А еще педагога беспокоит то, что в нормативно-правовых документах исключено слово «народ», оно заменено греческим словом «этнос»; что из школьной программы исчезла литература народов Дагестана, что, по ее мнению, недопустимо. Это повод для серьезного разговора...

Айшат ТАЖУДИНОВА

В июне сорок первого...

Все больше лет проходит с той страшной войны, все меньше остается людей, переживших испытания военных лет... Бесконечен поток героев Бессмертного полка, но никакие памятные мероприятия, парады и шествия не могут передать величия подвига советского человека, победившего фашизм и освободившего мир от нацистского рабства. Это не только героические победы на поле боя, не только стойкость и мужество солдат и офицеров. Это великий человеческий подвиг тыла, тех, кто изо всех сил приближал победу...

Одну такую историю, поразившую нас стойкостью, преданностью, цельностью и безграничным мужеством женщины, мы записали со слов Далгата Шапиевича Ахбердиева, заслуженного врача РД, отличника здравоохранения СССР, много лет проработавшего в Кизилюртовской больнице. Наверно, сегодня в Кизилурте нет ни одного жителя старшего поколения, кто не знал бы Далгата Шапиевича, но не все знают, что он еще ребенком в первые дни войны оказался в эпицентре тех страшных событий...

Отец Далгата Ахбердиева, Шапи Ахбердиев, уроженец Хунзаха, был кадровым офицером Красной армии, командиром эскадрона 3-й кавалерийской дивизии. Уже шла Вторая мировая, немецкие войска уверенно занимали европейские территории. На место своей службы, в городок Каменск-Струмиловка, к западу от Львова, офицер забрал и свою семью – жену и трёхлетнего сына. Весной 1941 года Шапи Ахбердиеву присвоили звание капитана.

Молодая горянка Патимат понимала, что времена предстоят нелегкие: на границе часто происходили провокации, сводки из приграничных районов были тревожные... Но сомнений у нее не было: она должна быть рядом с мужем!

Жизнь военного городка была размеренной и спокойной. По вечерам в выходные дни привозили кинофильмы, и офицеры с семьями смотрели «Чапаева», «Кубанских казаков», «Веселых ребят»... Вот и в тот день, 21 июня, после сеанса в кинотеатре молодые семьи гуляли, допоздна пили чай...

Ночью в дверь офицера постучали: капитан Ахбердиева срочно вызывали в штаб полка.

К ночным вызовам Патимат уже привыкла. Помогла мужу собрать вещи. Спросила: «Когда вернёшься?» Он коротко ответил: «Не знаю».

После его ухода она так и не уснула, а на рассвете соседка забежала в дом: «Патимат, собирайся! Война началась!» В военном городке весь офицерский состав ушел по тревоге. С запада доносились звуки бомбёжек, бледное рассветное небо было освещено заревом взрывов...

Пока Патимат собирала вещи, началась настоящая бомбёжка. Вокруг рвались бомбы! Женщины собирались в кучку, чтобы поддержать друг друга, и стали пробираться к лесу. В небе кружили фашистские самолеты и продолжали бомбить жилые поселки и села. На их глазах погибли несколько женщин. На руках у одной был 10-месячный ребёнок, он, плача, прижался к телу матери. Какая-то женщина, бывшая с ними, схватила дитя, прижала его к себе и побежала дальше...

Невозможно пробежать мимо крохотного малыша, у которого убита мама, невозможно оставить свою подругу с детьми на руках погибать под взрывами. Это потом ты понимаешь, что поступил правильно, по-человечески, по-Божьему, а в ту секунду что-то другое движет тобой, заставляя обернуться, схватить слабого, поддержать раненого. Наверное, это и есть душа...

Вокруг взрывы, свистят пули, плачут дети, кричат женщины. Патимат с ужасом подумала: «А вдруг со мной что-то случится? Неужели мой мальчик попадет в руки фашистов? Что нас ждет впереди?» Но никто не мог ответить на её немые вопросы.

В это время наши бойцы уже рыли окопы. Среди них Патимат увидела знакомое лицо – это был рядовой из Дагестана, кумык Айдемир, который частенько заходил в них в гости. На вопрос Патимат о муже Айдемир ответил, что капитан Ахбердиев воюет на передовой, и махнул рукой на запад. «Пусть Аллах вам поможет, Патимат, берегите себя и детей!» – с этими словами красноармеец скрылся в гуще пехотинцев, шедших на встречу вражеским войскам. В это самое мгновение они услышали грохот канонады: очередь зенитки прошла вражеский бомбардировщик. Дымя горящим хвостом, самолёт рухнул в чащу леса и взорвался...

Идти женщины могли только лесом: фашисты в первую очередь взорвали железную дорогу. Впереди бежала женщина, обнимая подушку. Во время очередной бомбёжки все легли в траву, и кто-то спросил, почему она несёт подушку? Патимат на всю жизнь запомнила этот растерянный, безумный взгляд женщины, вдруг осознавшей всю тяжесть горя – в первые мгновения паники она схватила из кроватки не своего малыша, а подушку. В отчаянии она закричала: «Васенька! Мой родной Васенька!» и рухнула на подушку... Женщина так и умерла от нервного потрясения на подушке, ещё хранившей тепло и запах её Васеньки...

Много горя видела потом Патимат, но мгновенно покерневшее от горя лицо той женщины с подушкой до самых последних лет её жизни стояло перед глазами как олицетворение первых дней войны.

Рядом с Патимат через лес пробиралась и сибирячка Татьяна, подхватившая кроху с тела матери, теперь девочка прижалась к телу защитницы. У всех женщин на руках были малыши, а дети постарше цеплялись за платья мам.

Лёжа под обстрелами и бомбёжками, прикрывая своими телами детей, Патимат и все женщины обращались в молитвах к Всеизвестному, каждая на своем языке: «Не о себе просим, Всеизвестный, детей наших сбереги и сохрани им жизнь!»

А матери умирали... Ещё одна женщина погибла под обстрелом, оставив 6-летнюю девочку. Чем утешить ребенка, на глазах которого маму убил фашистский снаряд? Патимат прижала к себе хрупкое тельце малышки и вместе с ней безутешно заплакала. Слезы горя – они такие, нет в них облегчения...

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, И НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

В это время женщины догнали солдатский фургон, уходивший в глубь леса. Бойцы посадили в него женщин с детьми и довезли до танковой части, укрывшейся в лесной чаще. Молодой лейтенант успокоил отчаявшихся женщин: им выделили грузовой автомобиль. Сибирячка Татьяна быстро залезла в кузов, а Патимат из-за беременности не могла подняться на высокий борт машины. Таня протянула руку, а снизу ее подсадил совсем юный офицер-танкист. Никогда не забудет Патимат, с какой заботой он устроил их всех в кузове, укрыл ветками для маскировки, как разъяснял, что они должны делать и как себя вести в разных ситуациях. Самое страшное выносит наружу война-убийца, но и самое прекрасное в человеке раскрывает!

На этой машине они добрались до Львова. Полуразрушенный вокзал был битком набит людьми, пассажирских поездов не было; на их счастье попался один товарный вагон, оставшийся после выгрузки угля. В этом товарном вагоне под бесконечными бомбардировками и обстрелами женщины выехали в тыл. Не попадись он им – все погибли бы от бомбёжек или попали бы в руки фашистов.

Сколько таких удачных совпадений случалось с ними по дороге, но Патимат была уверена, что Всевышний бережет беззащитных женщин и детей в горниле войны, внимая их горячим мольбам.

Очень много воспоминаний о тех днях пронесла Патимат через всю жизнь: как на каждой остановке простые советские люди выносили им еду и одежду, предлагали им помочь. Как поддерживали их военные, местные власти. Несмотря на неожиданное нападение, в тылу все службы уже были мобилизованы и упорядочены, вся система работала четко, без сбоев, как хорошие часы. Так, останавливаясь в разных городах, состав доехал до Саратова. Здесь женщин, попавших под первые фашистские бомбёжки, встретили тепло. Уставшая, обессиленная Патимат не могла прийти в себя от потрясений последних дней и не находила себе места от тревоги за мужа.

Всем офицерским женщинам предложили эвакуацию в глубь страны – за Урал, в Сибирь, в безопасные места. Но Патимат твердо знала, что у неё одна дорога – в Хунзах. Из Саратова её отправили в Астрахань, а оттуда на пароме – в Махачкалу.

Здесь Патимат сразу поехала на Хунзахский колхозный двор, оттуда на колхозной арбе – в горы. Родные уже попрощались с Шапи и Патимат: все были уверены, что они погибли в первые часы войны. И теперь весь Хунзах устроил паломничество в дом отца Шапи, чтобы поздороваться с горянкой, чудом оставшейся в живых, и узнать хоть какие-то новости о войне. Патимат была первым и пока единственным человеком в районе, кто мог рассказать от первого лица о первых страшных днях войны.

Чуть позже, в ноябре 1941 года, у Патимат родилась девочка. Она знала, ради чего она должна жить и работать: дети советского офицера должны вырасти достойными людьми, и она обязана поставить их на ноги...

С тех пор прошло много лет. Патимат, педагог по образованию, многие годы проработала учительницей в школах Хунзахского района, была заведующей детским садом в Хунзахе и даже после ухода на пенсию осталась с детьми как воспитательница.

За свой труд она награждена медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», «За трудовое отличие», «Ветеран труда».

Но не они стали главными достижениями Патимат: настоящая, искренняя любовь и уважение сельчан, чистая детская любовь воспитанников детсада, прекрасные дети – вот её награды!

*Не иссякнут в горах Дагестана
чистые родники, не высохнут
альпийские луга, будут охранять
покой горцев древние скалы...*

*Так не иссякнет и память о
Патимат, победившей фашист-
ские бомбы.*

P.S. Далгат Шапиевич нашел могилу отца в Кизляре спустя 76 лет после окончания войны.

Сульгият БУЛГАЕВА

Иранпур Гюлли. Весна с портретом Ф. Кастро, 1963 г., холст, масло, 80x60,5 см, КП-4127, Ж-321

КОСМЕТОЛОГ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ

Эстетическая косметология в Дагестане – очень развитая сфера. Но всегда ли качество услуг на должном уровне? Как не ошибиться с выбором специалиста? Какие проблемы могут возникнуть после процедур и по каким причинам? Чтобы получить ответы на эти вопросы, мы побывали в гостях у высококвалифицированного специалиста Зухры Ахмедовны Гасановой, руководителя «Центра косметологии Зухры Гасановой».

– На что обращать внимание при выборе косметолога?

– Как правило, самый популярный сейчас источник выбора – это социальные сети. Важно удостовериться, есть ли у специалиста соответствующее образование. В идеальном случае это, как у нас, медицинская лицензия на косметологическую деятельность. Скажу, что она у нас единственная в городе. Также важно посмотреть на внешний вид косметолога, потому что то, что он делает с собой, – это его видение красоты, это он привносит в своих пациентов тоже. Воплощает, скажем так, свои идеалы красоты. Я бы обратила внимание на то, чем человек занимается, какое место в его жизни занимает эстетика. Возможно, он рисует, лепит, занимается прикладным трудом или умственным. Как он воспринимает жизнь, как относится к людям... Это тоже важно, так как на кону очень важные вещи – здоровье и внешность пациента. И тут человеческие качества, помимо профессиональных, тоже играют роль.

– Еще один вопрос меня волнует, по поводу препаратов: сейчас много всего попадает с черного рынка. Какими последствиями может обернуться использование несертифицированных препаратов?

– Вы имеете в виду не уходовую косметику, а именно инъекционную?

– Да.

– Надо понимать: то, что имеет регистрацию, всё прошло проверку. Тем не менее, на рынок попадает «левая» продукция и такие же аппараты. К чему это может привести, несложно догадаться. Самые частые осложнения – это аллергические реакции, связанные с плохой очисткой препарата. Возможны очаги воспаления, фиброзы, грануляции. В самых тяжелых случаях – эмболии и некрозы, анафилактический шок. Конечно, и с качественным сырьем возможны нежелательные явления, но гораздо реже, и их легче устраниТЬ. Некачественному ботоксу тяжело выжить на современном рынке, потому что существует прямая зависимость между качеством препарата и эффектом от его применения. Но в отношении филлеров, препаратов для мезотерапии, биоревитализации, конечно, на рынок могут просочиться и контрафакт, и подделки.

– А как реагировать на дешевые процедуры?
Вот, например, я работаю со студентами в вузе и довольно часто слышу, как они говорят: «Ой, скидка сейчас на губы у какого-то косметолога, за небольшую плату можно пойти сделать». То есть они бегут туда, потому что дешево!

– Я вам скажу так: губы делают препаратами гиалуроновой кислоты, других составов на сегодняшний

день нет. Производство этого сырья очень дорогое. А после проверок и регистраций себестоимость увеличивается в разы! Если процедура дешевая – соответственно, препарат не может быть высокого качества. Хотя я знаю, что некоторые косметологи умудряются и полусинтетику продать по цене хорошего препарата. Да, часто в этих «псевдогиалуронках» могут присутствовать синтетические добавки, которые помогают пролонгировать эффект, но это оборачивается частыми осложнениями. Есть ряд таких препаратов – называть не буду – колют их по самым низким ценам. И очень часто «моделям» на обучении. Компоненты, которые не рассасываются, остаются в тканях практически на всю жизнь, их невозможно вывести. И они могут в худшем случае нарушать трофику тканей, вызывать аллергические реакции и в целом наносить вред здоровью и эстетике пациента.

– А Вы можете какой-нибудь случай из жизни рассказать, когда пациентка пришла уже с проблемами.

– На самом деле случаев очень много. Почти каждый день мы сталкиваемся с такими проблемами, а наиболее частая сейчас – это проблема, связанная с низкой квалификацией и опытом врача. Недавно была пациентка с осложнением после введенного в нос филлера. Косметолог, проводивший процедуру, не заметил вовремя осложнение в виде тромбоза. Вследствие этого наступил некроз кончика носа, и пациентке пришлось провести реконструктивную пластику носа у хирурга.

Очень модно работать полимолочной кислотой, но не все специалисты знают, где с ней можно работать, а где нельзя. В частности, за очень короткий промежуток времени ко мне пришли три пациентки с осложнениями после введения полимолочной кислоты в кожу шеи. И они ходят с этой проблемой уже второй год. И неизвестно, сколько это продлится, потому что положительной динамики именно у этих пациентов нет.

Осложнения, связанные с ботулиновтерапией, к большой радости пострадавших, держатся недолго, время полного восстановления – 2–3 месяца, а чаще – еще быстрее. Проблемы, связанные с некачественными филлерами, обычно легко решаются за пару дней введением фермента.

– Надо же, какие серьезные последствия, аж страшно! А с какого возраста можно начинать косметические процедуры, например, ботокс, инъекции?

– Наша система здравоохранения разрешает проводить косметологические инъекции с 18 лет. Как правило, в этом возрасте пациенты обращаются по

поводу воспалительных элементов (акне). Если нет показаний, то в целях профилактики обычно инъекции начинают проводить с 28–30 лет.

– А вот у меня еще один вопрос – по поводу миграции филлера...

– Миграция филлера бывает в нескольких случаях. Первое – это неправильно подобранный препарат. А именно – его плотность. Второе – неправильно подобранный объем. Оба случая вкупе с неправильно выбранной глубиной введения зачастую дают миграцию препарата под действием мимических движений пациента и земной гравитации. Проще говоря, большой комок филлера просачивается в мягких тканях вниз под действием силы тяжести.

– Были ли моменты, когда Вам приходилось пациента отговаривать?

– Да, это случается очень часто, за это меня пациенты и ценят. Кстати, в лице этих людей я, как правило, нахожу самую преданную аудиторию – ведь они понимают, что для меня важнее всего получить эстетический результат, не сделав ничего лишнего. Чаще всего отговариваю от татуажа и увеличения губ.

– Получается?

– Бывают случаи, когда кто-то не соглашается и идет свою мечту воплощать к другим косметологам. Что ж, это их выбор!

– Какие сейчас тренды в косметологии?

– Как раз недавно была на конференции, посвященной трендам. Резюмируя, могу сказать, что тренды разворачиваются в сторону сохранения красоты через коррекцию здоровья, использования высокотехнологичных аппаратов, уменьшения количества инъекционных косметологических вмешательств и восстановления гармоничных пропорций лица. Мы очень тесно сейчас сотрудничаем с лабораториями, выявляем дефициты микроэлементов, белковые дефициты, гормональные нарушения и отправляем на консультации к более узким специалистам – эндокринологам, терапевтам, нутрициологам и т.д. Красота через здоровье – вот то, к чему сейчас разворачивается весь мир косметологии.

Я сама пропагандирую здоровый образ жизни и призываю своих пациентов обращать внимание на психологическое, духовное и физическое здоровье. А там и красота подтянется – мы поможем!

**Беседовала
Гулеймат КУРБАН-АДАМОВА**

ПОЙТИ
В БАНК
И ОФОРМИТЬ
ИПОТЕКУ...

Горькие истории женщин, попавших в капкан ипотеки, поразительно похожи.

Происходит это примерно так: мужа нет, но есть ребенок, зарплата небольшая, а жить где-то надо. После нескольких лет скитаний по съемным квартирам безумно хочется иметь свое жилье.

И тут добрые люди, банкиры, придумали ипотеку! Женщина идет в банк и берет кредит лет на 15–20 лет под немалый процент годовых: она ежемесячно должна отдавать половину зарплаты банку. Счастливая женщина вселяется в свою собственную квартиру, но птица оказывается не в гнезде, а в клетке. И голубушку ждет судьба обычной курочки – ее съедят!

Итак, почему одиноким женщинам нельзя влезать в ипотеку на длительный срок при маленькой зарплате, нам расскажет Ирина Агаева, Генеральный директор компании «Агаева АйДи», эксперт в области банкротства, налогов и корпоративного права, юрист, экономист, кандидат экономических наук, которая за 9 лет практики помогла избавиться от долгов более чем 900 клиентам при соблюдении полной конфиденциальности.

«Обратилась к нам молодая женщина с ребенком, которая взяла ипотеку на жилье. Брокер убедил ее, что все будет легко и просто. В банке обязательное условие – первоначальный взнос от 20 % до 50 %. Таким образом банк отсеивает клиентов, которые не могут оплачивать кредит. Но что делает большинство, особенно в Дагестане? Например, квартира стоит 5 млн. Покупатели договариваются с хозяином квартиры, что якобы квартира по договору стоит 7 млн и как будто дают расписку, что они уже выплатили продавцу 2 млн из этих 7, и соответственно у банка они получают остаток денег. В итоге продавец получил свои 5 млн, брокер получил свои 20 % от полученной суммы, а банк получает неплатежеспособного клиента. А еще молодые матери вкладывают туда свой маткапитал – это все, что они могут вложить. На ежемесячные платежи у них денег нет. Банк начинает с них требовать деньги, поскольку они не вносят платежей.

Женщина как-то не задумывалась о том, что, кроме обязанности платить ежемесячно, нужно ремонтировать и обставлять квартиру. Для этого она опять влезает в кредиты. Проходит 2–3 месяца, потом полгода, начинается паника. Ведь невозможно себе постоянно во всем отказывать! Обратившаяся к нам клиентка не смогла платить, а банк потребовал всю сумму кредита. За это время проценты начислили и ежемесячный платеж увеличился, а у клиентки таких денег нет.

Мы решили, что здесь самый лучший вариант – пройти процедуру банкротства, и та сумма, которая перед банком не погашена, списывается. Поскольку она проживает в этой квартире, а процедура банкротства длительная, в среднем до полутора лет, клиентка может, не оплачивая кредит, жить в своей квартире бесплатно. Если бы она съехала, то должна была бы снимать жилье. А мы сохранили ей миллионы рублей и даже деньги за аренду».

Рекомендуем нашим женщинам, которым предлагают какие-то услуги по получению кредита, помнить, что средняя стоимость услуг брокера – это 20 %. То есть, если вы взяли 5 млн рублей, 1 млн отдадите брокеру, но возвращать этот миллион с процентами придется вам. А когда брокеры ещё помогают купить жилье, берут ещё деньги за эту сделку – не менее 200 тысяч. Здесь тот самый случай, когда семь раз отмерь, 1 раз... оформи ипотеку!

У любого человека теоретически есть риск лишиться работы и потерять жилье, купленное в ипотеку. Риск всегда существует при покупке жилья в кредит. На практике эта беда коснулась миллионов людей. Но разве это кого-то остановило? Как только банки стали выдавать ипотечные кредиты в массовом порядке, люди тут же начали хватать их как горячие пирожки.

Контакт и адрес нашего офиса в Махачкале:
г. Махачкала, улица Гаруна Курбанова, 44а,
номер телефона: 84999554397.

ХОРОШАЯ ДЕВОЧКА

В последнее время люди все чаще обращаются за помощью к психологам, чтобы понять причины своих трудностей и научиться с ними справляться. Но мнения специалистов бывают неоднозначны и зачастую противоречивы.

Предлагаем вам советы психолога Алины Каммаевой на актуальную тему воспитания девочек.

В психологии существуют термины «хороший мальчик», «хорошая девочка». Сегодня поговорим о хорошей девочке...

Ко мне обратилась молодая женщина, 27 лет, замужем.

Есть ребенок. Всю жизнь пыталась быть хорошей дочерью, сестрой, подругой, женой, невесткой и т.д. А в итоге стала для всех удобной.

Хороших девочек очень любят взрослые. Воспитатели в детском садике, родители, учителя начальных классов. Скажешь хорошей девочке доесть до конца суп или кашу – она доедает, давясь, лишь бы не расстроить взрослых. А потом, во взрослой жизни, она не понимает, откуда у нее лишний вес и привычка есть больше, чем нужно телу. Не слышит она свое тело, не приучена. Приучена заглядывать в глаза воспитательнице: я сыта или еще нет?

Хорошая девочка учится на одни пятерки, четверка для неё – трагедия. За годы учебы она так привыкает ориентироваться на оценки других, что и дальше по привычке живет в нервном ожидании: как меня оценивают? Что обо мне говорят? Все ли считают меня хорошей? Девочка хочет получать от мира пятерки, как в школе. Но взрослый мир устроен иначе, он склонен к похвале и щедр на тумаки. Девочка страдает и пьет успокоительные, если не что-то покрепче.

Хорошая девочка старается быть удобной для окружающих, самой удобной, удобнее, чем разношенные домашние тапочки. Угождает, заботится, жертвует собой. Вот только жертвы эти часто не только не ценят, но и считают признаком слабости. И пользуются ими, не стесняясь, что уж тут говорить! Столько хороших, порядочных девочек, воспитанных в идеалах жертвенности, получают в мужья бездельников, тунеядцев и альфонсов. А те, не стесняясь, едут на жёнах, да еще и кнутом погоняют.

Хорошая девочка приучена терпеть. Не отвлекать взрослых от их важных дел своими пустяковыми проблемами. Послушно ждать, когда на неё обратят внимание. Она так привыкает терпеть, что это становится её второй натурой, образом жизни – находить страдание даже там, где его нет. Даже диван себе новый купить девочка не может годами, просто не замечает того, как ноет у нее спина и шея от неудобного спального места. Просто свыклась со страданием как с необходимостью.

И она откладывает себя, свои мечты, свои нужды и проблемы на второй план...

И многие этим пользуются... Пользуются ее немением говорить НЕТ!!

Иметь хороших детей – очень удобно для взрослых. Хорошие дети, как цветы в горшках, расположенные по подоконникам, радуют глаз. Но для жизни быть «хорошим», увы, очень плохо. От «хорошести» потом приходится долго и с усилием избавляться.

Так что лучше пусть уж они не будут удобными. Зато будут смелыми, умеющими за себя постоять, знающими свои желания, потребности и границы. Пусть привыкают оценивать себя сами, а не заглядывать в глаза учителям. Пусть, если нужно, грубят и дают сдачи. Пусть не будут хорошими. Пусть будут счастливыми ...

Алина КАММАЕВА

Жил на свете бедняк по имени Чалтук-Ахмед.

Не было у него никакого добра, а только одна старая, хворая лошадь. Чалтук-Ахмед жалел свою лошадь. Целых две недели он не работал на ней, а по ночам пускал в поле на травку.

Но две недели прошли, а лошадь ничуть не поправилась. Она стала совсем тощей, и на спине у неё появились болячки.

Встревожился Чалтук-Ахмед. Решил всю ночь в поле караулить.

Вот пустил он лошадь пасться, а сам спрятался за большой камень.

Когда настала полночь, пришли дикие звери: волк, медведь, кабан и лиса. Они, оказывается, играли с лошадью, по очереди взбирались к ней на спину, царапали её когтями.

Не стерпел Чалтук-Ахмед. Выскочил из-за камня и переловил всех зверей. А звери испугались и стали просить, чтобы он отпустил их на свободу.

Волк сказал, что пригонит Чалтук-Ахмеду большое стадо овец. Кабан обещал вспахать его поле, медведь – показать в лесу старое дерево, в дупле которого полно мёду. Одна лиса ничего не пообещала. Она сказала только:

– Я худа и мала. Что тебе за польза, если ты меня убьёшь? Ты отпусти меня, быть может, я пригожусь тебе в трудный час.

Чалтук-Ахмед подумал-подумал и отпустил их всех.

На следующий день волк пригнал во двор Чалтук-Ахмеда стадо овец.

Кабан в свой срок вспахал клыками его маленько поле.

А там и медведь пришёл и стал звать Чалтук-Ахмеда за мёдом.

Чалтук-Ахмед взял с собой топор, бурдюки для мёда и пошёл с медведем в лес.

Завёл его медведь в лесную чащу, нашли они старое дерево, из дупла которого сочился душистый мёд, и тут медведь сказал:

– Вот теперь я тебя задушу и съем!

Обомлел Чалтук-Ахмед от страха и выронил топор, а медведь давай душить Чалтук-Ахмеда.

Вдруг слышат они, что кто-то зовёт:

– Чалтук-Ахмед! Чалтук-Ахмед!

– Здесь я! – откликнулся тот, узнав голос лисы.

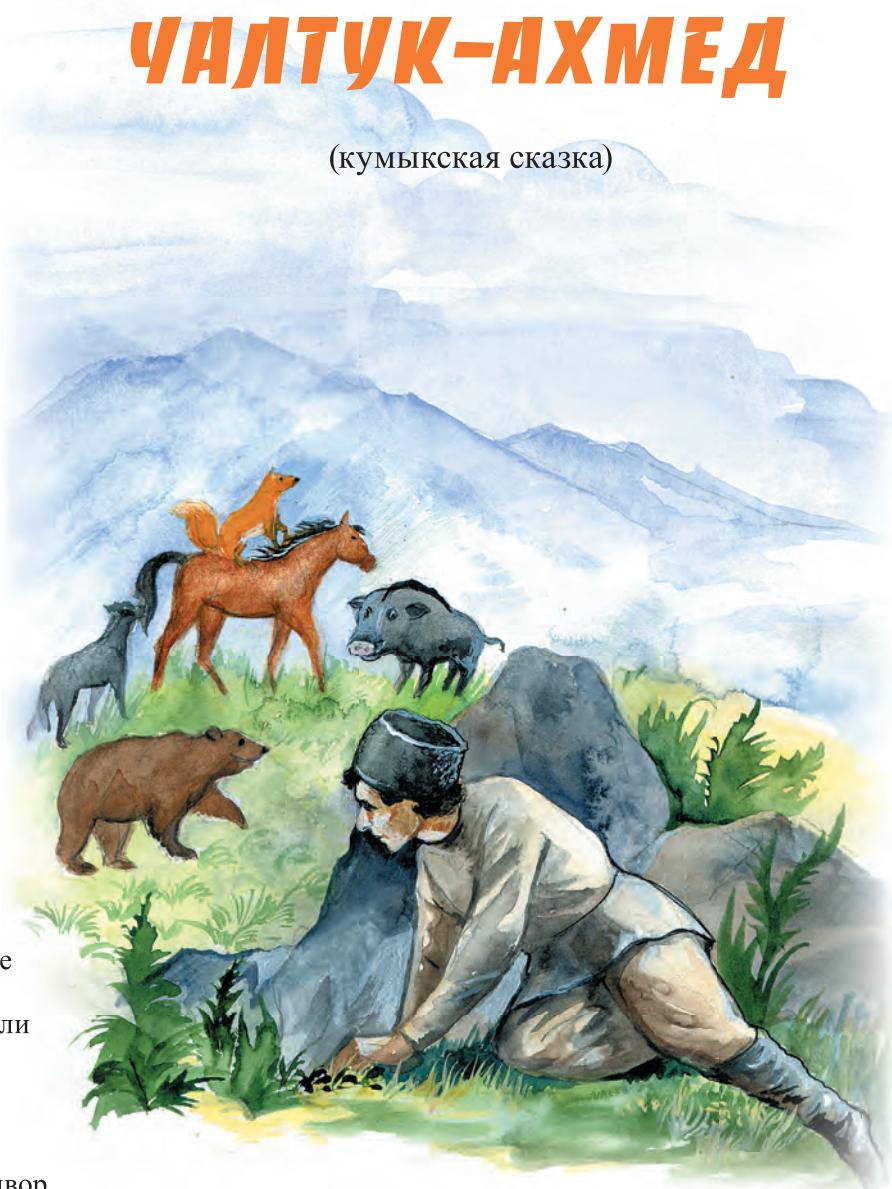
– Чалтук-Ахмед, не видел ли ты медведя? Сюда идут охотники, им нужна медвежья шкура.

Медведь испугался и шепнул Чалтук-Ахмеду:

– Скажи, что не знаешь, скажи, что не знаешь!

ЧАЛТУК-АХМЕД

(кумыкская сказка)

– Не знаю! – крикнул Чалтук-Ахмед.

– А это что перед тобой? – спросила лиса.

– Скажи – чурбан! Скажи – чурбан, – зашептал медведь.

– Это чурбан! – ответил Чалтук-Ахмед.

– Разве у чурбана бывают уши? – спросила лиса.

– Скажи, что это сучья! Скажи, что это сучья! – прошептал медведь.

– Это сучья! – крикнул Чалтук-Ахмед.

– Тогда возьми топор и ударь между ними покрепче! – приказала лиса.

– Возьми топор и ударь легонько, милый Чалтук-Ахмед! – заплакал медведь. – Я никогда не забуду твоей доброты.

– Нет, не верю тебе! – сказал Чалтук-Ахмед. Размахнулся и удариł медведя.

Тут вышла из кустов лиса. Набрали они с Чалтук-Ахмедом полные бурдюки мёда и пошли домой.

Августович Алексей Иванович. Натюрморт «Цветы», вторая половина XX века, холст, масло, 60,5x50 см, КП-12649, Ж-1185

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

Есть в Дагестане одно заманчивое для любителей экстрема место – 8-й цех завода «Дагдизель», построенный в 30-е годы прошлого века для испытания торпед. Его руины в Каспийском море хорошо видны с берега и интригуют нас: издали кажется, что до него даже можно добраться вплавь. Но это иллюзия – до крепости-призрака около 2,7 км. Высота его вместе с вышкой – 42 метра, а общая площадь – более 5 тысяч квадратных метров. Толщина стен подводной части цеха – полтора метра!

Восьмой цех – своеобразный символ Каспийска, он даже изображен на гербе города.

Наверное, у каждого, кто впервые увидел этот дагестанский «форкт Бойярд», возникают вопросы: что это за остров? Как же построили там здание? Прямо в воде!?! И зачем? Об этом теперь уже без утайки могут рассказать ветераны завода и сотрудники музея истории завода «Дагдизель».

Оказывается, фундамент цеха – его подводную часть – сооружали на берегу. В специально вырытом котловане изготовили железобетонное основание будущего здания,

а затем отбуксировали его в море, где на глубине 13 м мужи подготовили для него «подушку» – углубление на дне, засыпанное камнями. Цех обслуживался отдельным портом с пристанью и двумя молами.

В телефонных переговорах секретный объект именовали «павильоном». Позже приезжавшие в цех ленинградские инженеры называли его замком Тамары или просто Тамарой – из-за сходства здания с крепостью.

На этом искусственном острове были производственные помещения, электростанция, общежитие для рабочих, столовая, кинотеатр, библиотека. В подвале находились волейбольная и баскетбольная площадки. В жилой зоне одновременно могли с комфортом проживать 60 человек. На смотровую вышку высотой с 9-этажное здание поднимались на лифте.

Более 20 лет здесь испытывали торпеды. В военные годы немцы не стали уничтожать цех, хотя их самолеты летали над ним: фашисты надеялись его захватить и использовать. Но это им не удалось.

В 1960-е, когда торпеды стали глубоководными, глубина в райо-

не цеха оказалась недостаточной для испытаний и их перенесли на другие станции.

Еще какое-то время цех использовали экранопланщики – испытатели экраноплана – секретного аппарата-торпедоносца, который летал над морем или сушей на недоступной для локаторов высоте в несколько метров. Попавшие в стены здания при пристреливании торпеды ослабили корпус, день за днем его повреждали волны и льдины, к тому же случился пожар, и цех стал разрушаться.

С 1966 г. его совсем перестали использовать, а в 1976 г. уничтожили документацию и сняли с объекта охрану. В лихие 90-е были желающие открыть в «форте» ресторан, казино, гостиницу, но КГБ запретил такие вольности.

Любители таинственных мест до недавнего времени ухитрялись попасть в цех на лодке или катере с местными проводниками. Но сегодня из соображений безопасности экскурсии в ветхое здание запрещены.

Гульнара АСАДУЛАЕВА

ЭТО БЫЛА САМАЯ ТЕМНАЯ НОЧЬ...

1999 год запомнился дагестанцам как год тяжелых испытаний. В июне–августе произошли первые столкновения милиции с проникшими в Дагестан боевиками вооруженных бандформирований международных террористов. А 5 сентября 1999 года боевики напали на село Новолак.

Полина Халилова, в то время работавшая начальником узла связи Новолакского района, в течение двух дней в окружении боевиков обеспечивала бесперебойную связь Новолакскому РОВД, ополченцам и Липецкому ОМОНу с Махачкалой и Москвой.

— Как?! В этом году уже 25 лет? — удивленно переспросила Полина Шамсутиновна, когда мы начали беседу. За эти годы она почти не изменилась. Все такая же скромная, хрупкая, красивая и полная жизненной энергии женщина, о мужестве которой в 1999 году узнала вся страна.

За четверть века о том, что произошло тогда, она рассказывала журналистам много раз, но и сейчас, вспоминая события тех страшных дней, заметно нервничает, переживает по-новому каждую минуту. Видно, что не хочет ворошить в памяти пережитые ужасы, но помнит все до мельчайших подробностей. А вот то, что прошло уже столько лет, как-то и не заметила.

Встретились мы с ней в селе Новокули, в ее кабинете в детском саду «Непоседа», где она работает заместителем заведующей по антитеррористической безопасности и хозяйственной части.

Да, вот так, тихо и скромно, сегодня живет наша героиня – участница боевых действий 1999 года, получившая в 2000 году высокую правительенную награду «за мужество и храбрость, проявленные в боевых действиях». Вручал орден Мужества лично Президент России Владимир Путин. Она также награждена именными часами Президента России.

— Всего, — улыбаясь, говорит Полина, — я встречалась с Владимиром Владимировичем Путиным 4 раза как член делегации Правительства Дагестана.

Полина Халилова также награждена медалью «За заслуги сохранения родной земли и сближения народа», и вместе с ней эту награду получили 33 ополченца, которые с оружием в руках первыми встали на защиту своей родины. Все эти благодарности являются достойной оценкой ее жизни, которую она готова была отдать в 1999 году.

В год 25-летия разгрома банд международных террористов Полина Шамсутиновна в прекрасной форме и надеется встретиться с главой государства еще раз.

Что изменилось в ее жизни за 25 лет? Практически всё. Заслуженный связист РД, мастер связи РФ Полина Халилова вышла на заслуженный отдых и переехала из Новолака на равнину в Новокули (Новострой).

Она счастливая мама и бабушка. Ее дочь – подполковник МЧС, а сын – подполковник МВД. События тех лет повлияли на выбор профессии сыном. Ведь именно с ним, а ему было всего 13 лет, Полина 5 сентября 1999 года, когда вооруженные бандформирования вошли в район, пыталась выбраться из окружения.

— Я проснулась от звуков перестрелки. Разбудила сына и вышла на улицу. Кругом были вооруженные боевики. Мирным жителям дали «коридор» для выхода из района. Пули свистели над головой. Мы четко осознавали, что напали боевики и мы находимся в окружении, село захвачено. Проходила мимо узла связи и подумала, что, наверное, надо отключить генераторы, аккумуляторы. Говорю сыну: «Иди, сынок, вместе со всеми. Я посмотрю, что на работе, и догоню вас».

На работе я застала телефонистку Залму Магадову, которая дежурила с ночи. К нам присоединились работники узла связи Рашид Кадыров и Расул Чегуев. Во всем селе не было света, но я смогла завести генератор и аккумулятор, и телефоны заработали. Позвонила начальнику милиции Муслиму Даихаеву, начальнику ФСБ района. Связь была. До нас тут же дозвонилось высшее военное руководство России: генералы Казанцев и Колесников, министр МВД Дагестана Адильгирей Магомедтагиров, глава Кировского района Махачкалы Анвар Исрапилов. Они меня поддерживали морально, успокаивали, что скоро придет подкрепление. От нас начальник ФСБ района докладывал в Москву обстановку.

Руководство района и республики имело возможность все время быть на связи с районом, так как наша команда обеспечивала бесперебойную связь. Прошел напряженный день, до нас не смогли добраться бандиты, а потом наступила ночь. Какая это была темная ночь! Я такой черноты ни до, ни после не видела! Ничего не было видно, кроме трассирующих пуль. И тут пришел работник МВД, чтобы вывести нас. Я была уверена, что в здании РОВД можно будет перевести дух, но какой там! Когда мы выдвинулись, то оказалось, что территория Новолакского РОВД была уже окружена кольцом боевиков, шел плотный огонь со всех сторон, а наше здание находилось рядом.

Муслим Даихаев сказал:

– Мы сейчас будем выдвигаться, но я боюсь за вас. У боевиков есть приборы ночного видения, если они увидят в группе женщин, решат, что вы – снайперы. Как же быть?

Мы вспомнили, что у нас в здании есть подвал, где мы хранили солярку и другое. И мы вернулись к себе. Закрылись. Было страшно. В висках стучало. Мы сидели тихо. Бандиты все-таки вошли к нам в здание.

Они варварски крушили мебель, аппаратуру, рыскали везде, били прикладами по двери подвала, но добраться до нас им не удалось. Я сказала Залму, что это конец, но она одернула меня:

– Ты что? У нас же дети! Мы выживем!

Мы слышали, как боевики угнали новую газель из гаража узла связи. Всю ночь продолжался обстрел. Под утро стало потише, и мы решили уходить; незаметно вышли и пошли в сторону Хасавюрта. Село было разгромлено, скот бродил по улицам... А пули свистели и свистели над головой...

Из одного двора к нам подскочил боевик. Спросил, кто мы. Мы ответили, что мирные жители, не успели вчера покинуть село... Он отпустил нас, сказав, чтобы мы шли вдоль забора.

Полина Шамсутиновна еще раз подчеркнула, что ни один из работников РОВД не покинул свой пост до самой победы, все 14 дней.

– Выбирались из села с работниками Новолакского РОВД по

приказу начальника Муслима Даихаева, который обеспечил нам надежную охрану. Ребята вели себя мужественно, отважно сражались, приказы выполнялись четко. Это спасло нам жизнь. Их твердость и спокойствие, мужество и профессионализм предотвратили гибель не только личного состава, но и Липецкого ОМОНа, оказавшегося в смертельном кольце окружения.

Мы обходным путем вернулись в район в село Новокули, где был расположен штаб ополченцев, прошли разрешения принять участие в боях, – продолжает Полина Халилова. – Тогда я уже знала, что мой сын благополучно доставлен в Кизляр к брату.

Она вспоминает, что к обеду из министерства связи Дагестана приехали работники и установили в доме ее родителей беспроводную связь по аппаратуре УТК. По этой аппаратуре она и продолжала обеспечивать связь с населением и военным руководством до самого освобождения района от боевиков.

– Будь я на двадцать лет моложе, я была бы уже на СВО, – говорит наша героиня. Ее сотрудница Зарема добавила, что Полина Шамсутиновна большую часть своей зарплаты тратит на организацию гуманитарной помощи в зону СВО, как и другие женщины Новолакского района.

Благодаря таким людям, как Полина Халилова, наше государство выдержит любые удары.

Виолетта РАТЕНКОВА

с. Новолакское. 1999 г

Божий М. М. «Медсестра». 1955 г.

«НАДО ИМ ПОМОГАТЬ!»

Добрую память о себе оставили русские учителя, врачи, инженеры, стоявшие у истоков дагестанского образования, здравоохранения, энергетики и т.д. Елена Николаевна Панич приехала в Дагестан из Пензы по распределению вслед за братом Эдуардом – оба окончили мединститут. Потом к ним присоединилась вся семья, когда-то бежавшая после подавления польского восстания в Россию – мама, сестра Лиза и брат Станислав.

Эдуард работал в Гунибе, потом его перевели в Чиркей. А Елена Николаевна попала на санэпидстанцию в Буйнакск, где так и осталась, создала семью, боролась с инфекционными болезнями в Буйнакском районе. Сестра вышла замуж за врача Калсына Качалаева. Брат женился и уехал в Одессу. Строительство новой жизни, депрессии, война – все эти испытания семья Паничей прошла вместе с народом Дагестана. После выхода на пенсию Елена Панич переехала в Махачкалу и жила у племянника.

Публикуем небольшой фрагмент её воспоминаний, которые записал в 1980-е годы племянник Леопольд Качалаев-Панич. Они включены в книгу Булача Гаджиева «Поляки в Дагестане».

... Приехала я в Буйнакск и направилась за конкретным назначением на работу к тогдашнему председателю райздравотдела Омарову. Он предложил мне на выбор работу в санитарно-бактериологической лаборатории или в санэпидстанции. «Сходите туда и туда, посмотрите, и где захотите – там и будете работать», – сказал он. Я так и сделала. Но когда я пришла на санэпидстанцию, то была поражена тем, что там увидела. В те годы в Дагестане свирепствовала малярия, и я увидела, как мучаются люди, больные ею. – Вы видите, как нам трудно, – сказала мне главврач Людмила Леонидовна, – помогите нам! Но я уже и сама так решила.

«Это ужасно, надо им помогать!» – сказала я, возвратившись к Омарову, и этим надолго определилась моя судьба. Я начала работать на санэпидстанции и уже очень скоро начала выезжать в аулы, для чего мне давали переводчика. А жила я на квартире и довольно неплохо: у меня были две комнаты, кухня и коридор.

Тем временем Эдуард поехал в Махачкалу в Наркомздрав с просьбой, чтобы мне и ему дали открепление от Дагестана: еще в Гунибе во время моей остановки на обратном пути из Тизиба (или Тидиба) мы решили уехать отсюда. Но ему сказали, что следует отработать здесь не менее двух лет и дали новое направление в Чиркей. И перед своим переездом в Чиркей Эдуард побывал некоторое время в Буйнакске, кажется, работал где-то.

Я спрашиваю Елену Николаевну: каково было ее первое впечатление от Буйнакска? «Бесподобное!» – отвечает она сразу и продолжает свой рассказ.

... Буйнакск был маленький, чистый, зеленый. Улицы были аккуратно вымощены. В городе были мечети, православная церковь, костёл, синагога и армянская церковь. На пасху куличи продавались в магазинах. Горцы ходили в национальных одеждах с кинжалами, многие женщины-горянки носили паранджу...

Люди вокруг уже знали, что мы врачи, и иногда обращались к нам со своими просьбами. Однажды к нам пришел под вечер или даже в ночь один человек с просьбой пойти тотчас к нему домой, чтобы оказать помощь его жене. Мы с Эдуардом пошли и сделали, что смогли. Эта женщина страдала падучей. Ее муж был нам очень благодарен и просил нас взять деньги. Мы твердо отказались и возвратились к себе. Через некоторое время он все же принес нам молоко и, кажется, фрукты. Но его признательность нам, как оказалось потом, была значительно больше...

Вскоре, как и предполагалось, к нам приехала мать с Лялей и Станиславом. Мать привезла с собой кое-что из вещей и всю свою гомеопатическую аптеку. Наконец мы все вместе! Как-то устроились и начали понемногу привыкать к новой жизни. Появились первые знакомые. Неподалеку от моей работы – малярстанции – жил один человек, армянин по национальности, уже пожилой. Он частенько заходил к нам, они с матерью иногда играли в карты. Как-то раз к нам зашел Петр Моисеевич Перепелица – заведующий санбаклабораторией, мой будущий муж. «Такой молодой и весь седой!» – удивленно сказала мне мать после его ухода...

Вскоре Эдуард переехал в Чиркей, и так было решено, что мать поедет к нему, и они будут там пока жить вместе. Я тоже уже побывала в Чиркее и вот помню, что однажды, когда мы с Эдуардом ехали по горной дороге, он вдруг сказал мне, показывая на одну из окрестных гор: «Леля, ты знаешь, хорошо, наверное, так умереть, и чтобы тебя похоронили вот на такой горе, и на вершине стоял бы крест». Почему он так сказал? Не знаю.

Но так случилось, что в Чиркее Эдуард заболел и умер.

Заболел Эдуард дизентерией. Однако ему был поставлен неправильный диагноз – малярия. И от малярии его лечил живший в Буйнакске врач, по национальности, кажется,

Е. Н. Панич

чех, который систематически ездил к нему в Чиркей делать инъекции хинина, не забывая брать от нас за это деньги, хотя вел лечение по поручению Омарова. Омаров считал, что Эдуарда надо положить в больницу, а этот врач был почему-то против. Вскоре после смерти Эдуарда он куда-то исчез. Помню, что Омаров его разыскивал, но безрезультатно.

Эдуард умер. Это было внезапное, несправедливое, ужасное горе. Мать, я и Станислав отправились в Чиркей за телом Эдуарда. На обратной дороге – можно ли себе это представить – Станислав смеялся, а я пела! Мы были на грани помешательства – а каково же было матери!

... По возвращении в Буйнакск я впала в беспамятство и слегла. Эдуарда похоронили, а перед похоронами мать потребовала сделать вскрытие: умер старший сын, и вот дочь уже лежит без памяти. Ради меня надо было точно узнать, отчего он умер.

Мы жили тогда почему-то у Лясковских. И было трудно: я в постели, людей в доме достаточно много, и атмосфера была не располагающей. И вот внезапно мать на улице встречает человека, жене которого мы с Эдуардом как-то оказали помощь. Узнав от нее о наших делах, он немедленно взял нас всех к себе в дом, а меня вскоре поместили в больницу. У него был, кажется, хороший дом с садом. И мать с детьми – Лялей и Станиславом – прожили у него довольно долго.

Я же болела тяжело. Была на грани между жизнью и смертью. Мать была рядом, ночевала в больнице со мной. В одну из таких ночей мать услышала, как больничный фельдшер говорил кому-то явно о нас: «Нужно мать подготовить, ведь дольше сегодняшней ночи она не проживет».

Елена Николаевна продолжает: «Но не суждено мне было умереть и в тот раз. Хотя и после того, как дело у меня пошло на поправку, меня чуть было все-таки не отправили на тот свет: фельдшерица по ошибке напичкала меня не тем, чем надо, и было сильное отравление. А матери это все, видно, стоило жизни. Она умерла примерно через год после смерти Эдуарда – меня выходила и умерла. На похоронах матери было всего несколько человек: родственники были далеко, друзья еще не появились. На кладбище вместе со мной пошли только Петя, тогда еще Петр Моисеевич – он помог мне организовать похороны матери – и его уборщица Паша. И странно, буквально через несколько дней к нам зашла приехавшая из Гуниба Александра Степановна. Но матери уже не было. Да, матери уже не было, мы оставались втроем, и я была старшей...»

Когда после моего выздоровления мы решили забрать из Чиркея наши вещи – туда за ними поехал Станислав, то оказалось, что все было украдено, в том числе пальто матери, мое пальто... и даже варенье.

Я тогда столько наварила варенья, и мы всё отвезли туда – думали же, что мать с Эдуардом и детьми будут там жить... И, думаю, даже уверена, что обворовали нас не местные жители. В той больнице, где начал работать Эдуард, была очень неприятная женщина, приезжая, как и мы: то ли бухгалтер, то ли еще кто-то. Думаю, что это ее рук дело.

Нашей главной задачей в то время была борьба с малярией... Работы было много. А среди заболевших многие были в коматозном состоянии. В таких случаях я ходила в больницу и в десять, и в одиннадцать часов вечера – не могла не увидеть этих людей. Помню, был там один молодой парень. Что только ему ни делали: и переливание крови, и все, что было возможно. Но все оказалось безрезультатным.

Скоро я стала заведующей малярийной станцией. У меня под началом было около двадцати рабочих, один бонификатор, четыре хинизатора, лаборант и бухгалтер. Кто такие хинизаторы? Это медработники, которые ходили по домам, где находились больные малярией, и давали им лекарство. Положено было трижды в день дать больному таблетки прямо в рот.

Бонификатором долгое время был Дмитрий Гаврилович. Его задачей было ходить по водоемам и опрыскивать воду специальной жидкостью, убивавшей личинок комаров. У него на вооружении было вначале простое ведро с кистью, а потом опрыскиватель. И была еще у меня армия рабочих – двадцать мужиков, которые рыли канавы для осушения различных водо-

емов со стоячей водой, поскольку именно в них происходил интенсивный выплод комариного племени...

Наша маляристанция обслуживала Буйнакский район. А это, кроме самого города, еще двадцать четыре селения. И во всех этих селениях-аулах мне надо было быть – и быть достаточно часто. Ездили на лошадях – на линейке, ночевали в саклях, чаще всего на полу, в редких случаях, когда нас приглашали к себе начальство, – на кроватях. Во время этих поездок набирались вшей. Я остыглась. Помню, мы с моей работницей Марией Калякиной заночевали в каком-то селении. Я обратила внимание, что одежда у детей (рубашки) была смазана жиром. Я уже знала, что это было народное средство защиты против паразитов. Видно, их здесь немало, подумала я. И действительно, когда мы улеглись спать, то вначале не могла заснуть из-за того, что дети яростно чесались, а потом почувствовали, что и мы стали объектом нападения несметных полчищ. Что было делать? Мы с Марией поднялись, пошли в коровник, скинули там свою одежду и долго «сражались»...

Как питались в этих поездках? В общем, как попало. Что-то брали с собой. В Джэнгутае, правда, была столовая, в которой я заразилась солитером – ленточным глистом, от которого потом сама себя лечила. ...

Моим самым надежным помощником в поездках по аулам была Маруся Калякина. Она была честным человеком, я полагалась на нее полностью.

Однажды, когда Маруся совершила обход, на ее честь было совершено покушение. Но вышло так, что нападавшая сторона оказалась потерпевшей. С самого начала Маруся укусила (или даже немножко откусила) агрессору нос, чем полностью отвратила его от первоначального намерения. Затем она примчалась ко мне, и мы сумели как-то быстро вызвать милицию, которая составила протокол, и дело было передано в суд. Не знаю точно, чем оно закончилось, но помню, что уже когда мы были в Буйнакске, недавний покушавшийся вместе со своей матерью приехал к Марусе и просил простить его и прекратить судебное разбирательство. Кажется, Маруся простила...

Нашим кучером был Идрис. Сколько километров проезжено с ним по дорогам и бездорожью! Вот едем мы с ним, но проходит определенное время, и он останавливает лошадей и говорит: «Мне надо молиться». Мне всегда это нравилось. Он молился, а мне было приятно. Вот, думала я, он здесь, а душа его сейчас где-то далеко. И значит, в нем есть что-то такое, чего у нас нет. Да, у нас этого ничего нет. И почему это так получается? И кто это так сделал?..

Идрис заканчивает свое дело, и мы снова пускаемся в путь. Проходит час, два, три, и мы на месте: и опять осмотр канав, проверка медпункта, обследование больных, анализы, инъекции...

Подготовила Гульнара АСАДУЛАЕВА

Куцулова Фатима Абдулкадыровна – дипломант Международного женского литературного конкурса Союза российских писателей (2022 г.).

Ее произведения были опубликованы в сборнике женской прозы «Новости женского рода», спецпроекте «Горцы» газеты «Дагестанская правда», журнале «Женщина Дагестана».

Она Государственный Советник Республики Дагестан 3 класса, преподаватель факультета управления ДГУ. А еще она мама 7-летнего первоклашки Рабадана Кихова.

«И БУДЕТ НОВЫЙ МИР»

Сквозь мохнатый, томный взгляд старых серых елей бродим мы, где зимний сад, где метут метели.
Здесь снежинки крутят вальс, снега карусели...
Мандаринов аромат – будто радость съели...
Сквозь дорожки и пеньки долго мы ходили,
кто-то весело в снежки, кто на санках, кто в прыжки,
кто скользит меж елей.
Кто озябшею рукой, скомкав снег, идет домой еле,
еле, еле ...

Я по дну реки, по камням скользким в жизнь иду...
Платые отожму и снова встану и бегу ...
День и ночь, как тень без лика, плачу, хохочу,
говорю в тиши с рекою и её прошу о любви
и о спасении, прогоняя страх,
о судьбе счастливой сыну, маминых руках,
об отчаянии и боли тоже расскажу...
Реки ведь впадают в море... я смогу, дойду...

Слабыми, дрожащими руками
старый мастер выводил узор,
изредка на внука, что поодаль,
он бросал печальный, мудрый взор.
Внук спросил у деда:

«Ну зачем же продолжать искусство Кубачи?»
Дед лишь улыбнулся грустно, грустно...
И сказал: «Внучок, кувшин мой с рук возьми
и найди в орнаменте фиалку,
что растет среди густой травы,
первоцвет, подснежники лесные,
сквозь туман – мерцание росы...
Ты увидишь в глубине узора
серебра слияние и луны ...
Ты познаешь тайну, как природа
покорилась вся искусству Кубачи».

В небе полная луна знает, как ждала тебя, мой сын....
В море синяя вода знает, как люблю тебя, мой сын....
Ветер в горной вышине знает мысли о тебе, мой сын....
По весне цветут луга мне в подарок за тебя, мой сын....
Я шепчу в тиши слова: «Будь к тебе добра судьба, мой
сын....»

Ребятки родные, солдатные,
с землёй в зубах, одни глаза лишь влажные...
Они не плачут, они вдаль глядят, отважные,
Из окопов и полей – на милый дом, бесстрашные,
на маму, на жену и дочку милую...
Обнять бы их скорее и с новой силою,
За наших, за Россию!
Вперёд, отряд!
Под грохот канонад – нельзя назад!

Мой Дагестан, горжусь тобою!
Орлом, парящим в вышине,
величьем гор, наследием предков,
искусством, что живет во мне!
Кворм цветов луга покрыты, а в родниках чиста вода!
Седой мой Каспий, солнце, воздух!
Мой Дагестан! Земля моя!

И будет новый мир...
И я в него войду....
И буду я, как холст, чиста перед тобою...
Что нарисуешь ты, тем буду я, не скрою...
Возможно, натюрморт, или пейзаж с весною?
А может, про любовь картину намалююешь?
Малевича не надо, ему ты просто льстишь,
меня ты чёрным кубиком уже не удивишь...
Я буду ровно тем, что сам ты сотворишь....

Нансен в гостях у таркинцев

Лауреат Нобелевской премии, великий полярник, филантроп, миротворец, верховный комиссар Лиги наций по делам беженцев, большой друг России Фритьоф Нансен летом 1925 года в очередной раз приехал в Советский Союз. В 1920-е годы он принимал живое участие в гуманитарных миссиях: помогал армянским беженцам – жертвам геноцида, принимал участие в борьбе с голodom в Поволжье – Нансен привез 90 тонн продовольствия, открыл десятки бесплатных столовых, взывал к европейским странам: «Спасите Россию!»

7 июля 1925 года Нансен прибыл с Алибеком Тахо-Годи в Махачкалу и провел здесь 5 дней. Публикуем отрывок из его воспоминаний, где говорится о визите в Тарки в сопровождении А. Тахо-Годи, Н. Самурского, Д. Коркмасова, которых он называет «президентами».

После завтрака мы в автомобиле поехали на юг в Тарки (или «Таргу», как его исстари называют). Этот аул расположен на круглом склоне горы. Он был важнейшей позицией кумыкской области, резиденцией князя или шамхала. Мы оставили машины внизу и пешком поднялись наверх. Дорога вела нас мимо довольно странной мельницы, которая была построена из камня, имела огромное верхобойное (наливное) колесо, длинную плоскую крышу. Это был определенный прогресс по сравнению с простыми мельницами горцев с горизонтально лежащим камнем <...>

Улица вилась между тенистыми деревьями и садами вверх вдоль искусственно орошаемых участков. Все выше подъем, пока мы, наконец, не попали в лабиринт крутых, узких улочек. Четырехугольные дома с плоскими крышами громоздились друг над другом, держась за выступы скал, как и во всех аулах Дагестана. Дома производили впечатление относительно зажиточной жизни, да и весь поселок представлял собой цветущий аул. Здесь и там зеленели

втиснутые между домами садики, где в каменном углублении хранились запасы земли (почвы) и воды для поливки. Кое-где по аулу видны деревья на улицах, а вообще-то горы кругом голые, безлесные. Просторный дом с относительно большим садом был когда-то жилищем шамхала <...>

Женщины в Таргу ходили без чадры. Мы встречали на улицах много женщин и могли безнаказанно смотреть им в лицо. Они уже настолько «охристианились», что позволяли даже фотографировать себя.

Солнце пекло немилосердно, и подъем в гору для меня, полубольного, был очень утомителен. Уличка змеилась все дальше вверх. На скучном рынке нас встретила группа мужчин, среди них и высшие чины аула. Они приветствовали обоих президентов и нас, гостей. Мы задержались тут ненадолго и продолжали наш подъем в эту удручающую жару.

В одном месте, где уличка расширялась в небольшую площадь, мы увидели услаждющую взор чашу-корыто, в которую из двух

труб струилась чистая вода. Чаша была накрыта своеобразным ульево-подобным каменным куполом. Я не мог сообразить, для чего эта постройка. Здесь встречались красивые девушки. Они брали воду в свои металлические кувшины. Мужчины совершали предписанное благочестивым магометанцам омовение ног.

Наш путь шел еще выше, и вот, наконец, мы подошли к подножию отвесной скалы позади аула. Великолепный чистый родник выбивается из камня. Как приятно сделать привал у пещущего прохладного источника под тенистой листвой виноградника! У наших ног город, вид вдали через долину, вплоть до синего моря. Как приятно было держать голову под холодной струей и утолять жгучую жажду!

Крестьяне отличались трогательным гостеприимством. Они притащили из своих домов драгоценнейшие дагестанские ковры и расстелили их перед нами на земле, чтобы мы расселились на них, и к тому же принесли еще подушки, дабы нам было совсем хорошо. Мы сделали огорчившее нас открытие: из-за недоразумения наш завтрак повезли вместо Тарки в Талги. Узнав об этом, крестьяне принесли сюда самовары, хлеб и масло, яйца и фрукты, черешню и другие вкусные вещи. Таким образом, мы все же получили наш завтрак, да еще такой замечательный.

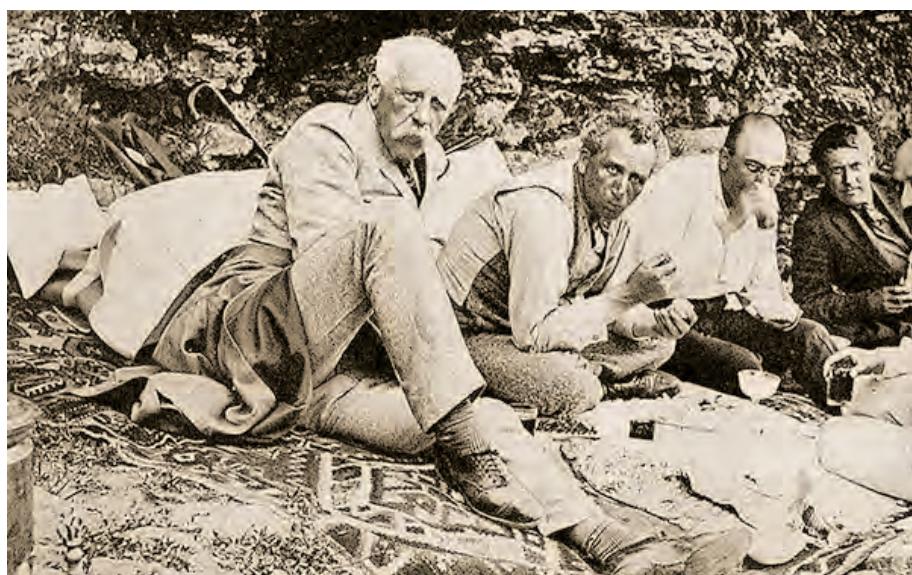
Я не думаю, что это брызжущее через край гостеприимство было только в честь двух руководителей. Оно соответствует старинному обычаю горцев и относилось также к нам, гостям издалека. Впрочем, мы забыли в компании с нашими обоими друзьями об их президентском достоинстве. Да и главы государства сами ничем не подчеркивали своего высокого положения. Они подходили к людям как к себе равным, и другие относились к ним точно так же.

Мы долго отдыхали. Через некоторое время подошли к нам по-европейски одетые две женщины со спутницами. Они шли по улице мимо родника. Меня приятно

удивила встреча с туристами. До сих пор они нам не встречались. Потом выяснилось, что это были жены обоих президентов. Они были встречены очень любезно. Нас представили жене Коркмасова, исключительно красивой молодой женщине, о существовании которой мы до сих пор понятия не имели, хотя жили стена к стене на одном этаже президентского дома. Дамы присели рядом с нами на ковре.

В ауле в этот день должна была состояться свадьба с танцами. Нам хотелось посмотреть торжество, и мы попрощались с дамами, которые предпочли остаться на лоне природы.

К сожалению, мы опоздали на сватовство, но танцы около мечети были в полном разгаре. Музыка исполнялась на струнных инструментах. Во время танца двигались мужчина и женщина внутри круга стоящих и частично сидящих зрителей. Этот танец – кавказская «лезгинка». Мужчина в кавказской форме, в шапке из овечьей шкуры, вращался некоторое время короткими ритмичными шагами, вытянув при этом руки в обе стороны, потом он приглашал к себе

Фритьоф Нансен с руководителями Дагестана
Д. Коркмасовым, А. Тахо-Годи и Н. Самурским в п. Тарки

из круга зрителей партнершу. Она семенила перед ним с серьезным видом, со слегка опущенной головой и кокетливой стыдливостью, мужчина следил за ней, пританцовывая, а она все «увилывала» от него. Танец изображает домогательство мужчины. Движения целомудренны и без всякой дикости. Оба танцора, каждый по-своему, обаятельны: у него мужская сила, у нее – стыдливая женственность. Ноги двигались легко и живо, как барабанные палочки, в такт музыке, тело при этом оставалось спокойным.

Сходство с нашими норвежскими быстрыми танцами было налицо. У мужчины та же энергичная гибкость, у девушки – грациозность и нежность. Только ритм и движения ног не те. Кроме того, в «лезгинке» мужчина не обнимает свою партнершу в вихре танца. На востоке такой близкий контакт между партнерами двух полов публично невозможен.

Солнце спускалось, наступал вечер. С высокого минарета раздавался жалобный молитвенный призыв муэдзина. Мы стали спускаться по узкой крутой улочке вниз, к машинам. Потом мы помчались по равнине и вскоре остановились перед гостеприимным домом президента...

Подготовила Гульнара АСАДУЛАЕВА

В сердце моё – Палестина...

Далекая и близкая Палестина. Боль потерь и страданий. Невыносимых, достающих до самого сердца на фоне «картинки» мировых информагентств, бесстрастно фиксирующих все более нарастающие жертвы в секторе Газа, среди которых старики, женщины, дети...

ДАГЕСТАН: ПО ЗАКОНАМ ГОСТЕПРИИМСТВА

Израильский ЦАХАЛ безжалостно бьет прямой наводкой по жилым кварталам, где нет военных объектов, где нет ХАМАС. Ракеты летят, убивая мирное население, не оставляя живого места на земле.

Наряду с другими государствами Россия оказывает беспрецедентную гуманитарную помощь Палестине. Откликнувшись на происходящие на Ближнем Востоке события, Дагестан, с тревогой следивший за событиями в секторе Газа, взялся за оказание помощи палестинскому народу. Повезло тем, кто, имея российское

гражданство, смог пересечь границу с Египтом, где в свои теплые объятия их приняла Россия, представители Минобороны, российского дипкорпуса. Но у каждого из выехавших из сектора Газа, из полыхающей огнем Палестины, там остались родные, близкие. И Дагестан принял беженцев по всем законам гостеприимства, окружив вниманием и заботой людей, ощущивших наконец-то, что такое жить без взрывов и пожарищ. У многих из прибывших выступали слезы на глазах от радушия дагестанцев.

– Не передать словами, – делится Хамоуда Хазем Мохамед, то по-разительное радушие со стороны дагестанцев, которое мы ощущаем.

Вместе с ним приехала вся семья: супруга Хамоуда Интисар Абед, дочь Хамоуда Фуад Хазем, сын Хамоуда Абедрахман Хазем. Для них Дагестан стал убежищем от войны. Здесь они обрели спокойствие. Вот только по ночам, признаются они, мучают кошмары, ужасы войны не отпускают.

В свое время врач по специальности Мохамед кандидатскую диссертацию защитил в Национальном медицинском исследовательском центре травматологии и ортопедии им. Н. Н. Приорова. Блестяще владеет русским языком. Он и сейчас рвется на работу и шутит, что готов работать бесплатно. Спрашиваю, как адаптировалась семья в далеком горном kraе.

—Вы не поверите, но то, как к нам отнеслись сразу по приезде, прямо полоснуло по сердцу! Не передать того участия, необыкновенного чувства родства, кровного братства со стороны республиканских властей.

— У многих из нас семьи смешанные, — рассказывает Мохамед, — в свое время многие россиянки стали женами палестинских студентов, обучающихся в России. И мы, выпускники российских медвузов, прониклись русской культурой, традициями, обычаями. Вот и сегодня волею судьбы оказались на родине, в Российской Федерации, в Дагестане. И вы, наверное, обратили внимание на то, что среди беженцев в ходу русский язык, нет никаких ограничений в общении.

Да, психологически трудно было, побывав в аду, вдруг оказаться на мирной земле. Многие из нас

не могут сдержать слез. Сердцу не дает покоя то, что там, на нашей исторической родине, остались родные и близкие. Мохамед рассказывает, как сразу по приезде беженцы прошли медицинское обследование, в котором многие из них нуждались. И первые слова, которые произнесли палестинцы, — благодарность российскому лидеру Владимиру Путину, руководству страны и республики, министерству по чрезвычайным ситуациям.

«ДЕЛЬФИН» — ТЕРРИТОРИЯ МИРА

— Здесь, на базе «Дельфина», — рассказывает Мохамед, — мы чувствуем себя не просто комфортно, нам создали условия для благоприятного проживания: прекрасная кухня, кондитерские изделия, фрукты, которые постоянно отправляют

сюда благотворительные общественные организации. Особую помощь оказывает Кировская администрация, возглавляемая Салихом Сагидовым. И беженцы выражают благодарность Патимат Зайдиевой, управляющей делами Кировской администрации, персоналу «Дельфина», которые держат на контроле все запросы беженцев. Штабом по обеспечению необходимых услуг палестинским беженцам оказывается вся необходимая помощь. Сотрудники штаба стараются, чтобы беженцы были обеспечены квалифицированной медицинской помощью. Помимо этого, для них организуются поездки по достопримечательным местам горного края.

Палестинцы охотно общаются с дагестанцами и признаются, что для них нет ничего дороже этого внимания, которым их окружают. Ибрагим Алиев, директор пансио-

ната, где обосновались палестинские беженцы, со своей стороны выражает готовность во всем идти навстречу новым постояльцам. У каждой семьи – уютные номера, в которых есть все необходимое, чтобы палестинцы могли чувствовать себя как дома.

Детский омбудсмен Марина Ежова держит на контроле вопросы, касающиеся обустройства палестинских детей. Она здесь практически каждый день. И в пункте временного размещения палестинских беженцев ее знают как неравнодушного человека, для которого судьба каждого из них – личная мера ответственности.

«Наша страна всегда приходит на помощь тем, чьи права ущемлены, защищает их, дает еду и кров, и сейчас мы будем помогать представителям палестинского народа адаптироваться к новым условиям, поддерживать их, предоставляя им возможность получать образование и работу. Эти стойкие духом люди были вынуждены покинуть свои дома, оставить привычную жизнь и всё, что им близко и дорого.

В Дагестане они окружены заботой и смогут забыть про ужасы войны. И все вопросы, связанные с обустройством быта беженцев, беру на личный контроль», – эти слова Главы республики С. Меликова служат для каждого из нас руководством к действию, – замечает М. Ежова. – Я находилась в числе встречающих первую группу палестинских беженцев. И на момент прибытия было подготовлено все необходимое: медикаменты, питание, одежда. Детям была оказана психологическая помощь. И можно сказать, что они уже освоились в нашей гостеприимной республике. Сначала это было 50 человек, сейчас проживает около 200 беженцев.

Мохамед вспоминает, что его семья, поначалу пребывавшая в нервном напряжении, со временем адаптировалась, дети стали приходить в себя, оттаяли.

– Наша дорога была тяжелой. Ведь то, что сегодня происходит

в Палестине, – война на уничтожение. Больше десяти тысяч детей погибло, еще тысячи остались под завалами. Спасибо Дагестану за радушный прием. Я же учился в Болгарии, России, и здесь у меня оставалось много друзей. Связь не прерывалась ни на один день, – рассказывает Мохамед. – Моя семья оказалась в центре кровавых событий. Я заведовал отделением травматологии больницы Джабалия в секторе Газа. Спасая огромное количество искалеченных, раненных людей, я и сам был ранен, но продолжал работать.

Жена, Интисар, видя, как разворачиваются события, предложила перебраться в Россию. И тогда же семья обратилась в российское посольство, где ей помогли эвакуироваться. Молчаливая,держанная, она все больше молчала. Только сказала, что ее семья ни в чем не нуждается.

С РОССИЕЙ – В БУДУЩЕЕ

Супружеская пара признается, что им по сердцу теплый климат, дружелюбные дагестанцы, сердца которых открыты и наполнены любовью к ним. И русский язык для них родной. Вот и в Дагестане все говорят на русском языке, при этом сохраняя традиции и обычай, устои древних народов.

– Нам всё интересно, – делятся супруги, – и мы с удовольствием знакомимся с древним Дербентом, старинными дагестанскими селами с вековой историей, находя немало общего со своей собственной родиной. Супруги рассказывают, что двойное гражданство позволило им беспрепятственно преодолеть пограничный пост. И для них переход в Россию – не только возможность вырваться из страшной войны, но и трудоустроиться. Вместе с тем семья переживает за своих родных, оставшихся в пылающей огнем Палестине, у мужчины в лагере для палестинских беженцев остался 73-летний отец.

Интересуемся, каким он видит будущее Палестины? Он, не

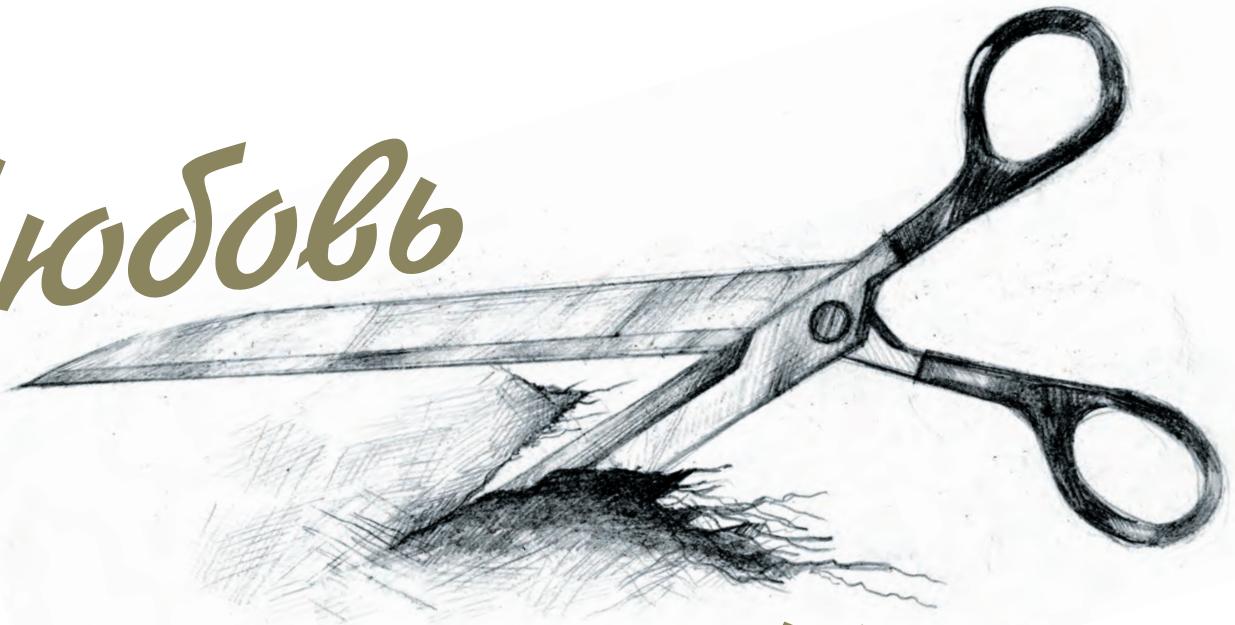
задумываясь, говорит о создании палестинской государственности, о которой было заявлено еще в 1947 году, когда Генеральная Ассамблея ООН решила разделить Палестину на два государства – еврейское и арабское. Уже на следующий год была подписана Декларация независимости Израиля. И на карте мира появилось еврейское государство. А на следующий день началась первая арабо-израильская война. В тот период из 1,4 млн палестинцев 800 тысяч были насилием изгнаны со своих земель. А территория Израиля увеличилась в разы. Тогда же по решению Лиги арабских государств появилась Организация освобождения Палестины (ООП), провозгласившая независимое государство Палестину. Но это был символический шаг, так как никакой территории она не контролировала. Только в начале 90-х Израиль, заключив соглашение, позволил Палестинской администрации управлять некоторыми подконтрольными еврейскому государству территориями. Но временные соглашения между палестинцами и государством Израиль по Западному берегу реки Иордан и сектору Газа мира не принесли.

– Арабский мир не желает войны, – говорит Мохамед, – но США пытаются все больше стран втянуть в конфликт. Вместе с тем растет и недовольство в мире, особенно в мусульманской среде. Понимаете, – нервничает он, – разделенная на две части Палестинская автономия в составе Израиля – кровоточащая рана. И Россия может помочь моей родине: при проведении мирных переговоров поддержать Палестину гуманитарной помощью, восстановлением инфраструктуры.

И что самое главное, Россия может оказать содействие в создании независимого Палестинского государства, о чем мечтает мой народ...

Айшат ТАЖУДИНОВА

Любовь и ножницы

Стать геологом была главная мечта всей моей не-долгой семнадцатилетней жизни. Костры, палатки, песни под гитару... Романтика сплошная, приправленная свидетельствами давно исчезнувших веков, – казалось мне. В каждом маленьком камешке я видела присутствие какой-то особенной тайны, порой и сама придумывала истории этих камней и рассказывала их всем, кто соглашался слушать. Я облавила все окрестности и пригорки за селом в поисках окаменелых моллюсков и камней с отпечатками древних папоротников, к тому же подбивала на это дворовых детей.

Ох, и влетало же нам! А мне как зчинщице и автору сумасшедших идей доставалось удвоенными порциями. Начитавшись приключенческой литературы, мы вечерами допоздна засиживались за салями, обсуждая и внося корректизы в нашу геологическую экспедицию, к которой мы готовились тайно.

Серёжа, приехавший на лето к бабушке Патине откуда-то из Белоруссии, однажды заявил, что настоящие геологи просто обязаны быть бородатыми, иначе мы никакие не геологи, а дворовая шпана.

Самая младшая из нас – десятилетняя Зузук – предложила простое решение вопроса: надо каждый день брить лицо и смазывать его топленым коровьим маслом. Так делала ее мама, чтобы у дочек быстро и густо росли волосы на голове, и они росли.

Нас было восемь человек, проверенных и надежных «геологов»: три девочки и пять мальчиков в возрасте от десяти до двенадцати лет.

Итак, мы тайком брились каждый день, и наши расцарапанные неумелым бритьем лоснящиеся лица пахли скипидаром и топленым маслом.

Все наши действия держались под строжайшим секретом, пока однажды мама Зузук не застала ее за бритьем.

У тети Шумай за дверью всегда стоял «хъоп» – тонкая, гибкая палка. Стоило ее расшалившимся детям услышать наводящее ужас слово «хъоп!» – и они моментально затихали. Видимо, волшебная палка и в этот раз сделала свое дело: Зузук с ходу с потрохами сдала матери нашу банду, а заодно и все бандитские секреты.

Уже через полчаса двор знал все наши тайники за салями. На белый свет оттуда были вытащены: гвоздодёр и маленький топорик моего папы, которых он уже обыскался; бельевая веревка, втихаря от матери срезанная Камалдином в своем дворе; толстая кручёная веревка, которой бабушка Серёжи привязывала корову к столбу во время дойки; большая кулинарная книга, с помощью которой Кубра собиралась кормить нас в экспедиции; припасы долгого хранения: спички, соль, сахар (сахар оказался весь в муравьях).

Над нами хохотал весь двор.

Я была в первый раз серьезно бита обычно терпеливой и доброй мамой...

Мы попрятки, по десять раз на дню вежливо здоровались с взрослыми и всем своим видом показывали, насколько чистосердечно раскаиваемся.

Бороды у нас так и не отросли, по крайней мере у девочек...

* * *

Окончив школу, я уехала учиться в Ленинград, где уже учился мой брат.

Мне было строго-настрого запрещено даже смотреть в сторону горных институтов, поэтому я поступила в ЛГУ.... на геологический факультет.

Училась я, честно сказать, еле-еле, потому что с точными науками особо не дружила, но хотела доучиться, боясь гнева с трудом простивших меня родителей.

На пятом курсе, познакомившись с Ирой, студенткой Кировки, я буквально заболела тканями. Их фактура и дизайн, технология изготовления, окрашивания – все приводило меня в восторг. Кое-как окончив университет, я поступила в Кировку. Радости моих родителей не было предела: дочь наконец-то выкинет геологический молоток и возьмёт в руки настоящий женский инструмент – ножницы. Мама даже купила мне дорогущие стальные турецкие ножницы и поручила родственнику нашей соседки, ехавшему в Ленинград, доставить эти ножницы мне.

Приехал, доставил, полюбил...

Несмотря на суровую внешность и серьезную профессию, «курьер» оказался очень интересным и романтичным человеком с хорошим чувством юмора. Наверно, я за всю свою жизнь так не смеялась, как с ним.

Четыре года мы виделись то в Ленинграде, куда приезжал он, то в Махачкале, куда приезжала я. Это был мой человек, близкий по духу и очень надежный. Мы поженились на пятый год знакомства, пройдя через множество сложностей со стороны моих и его родственников. Муж был всегда заботлив и мягок со мной, а я, к собственному удивлению, незаметно превратилась из взбалмошной девицы в нежную и умиротворённую жену. Это было открытием для меня, как и то, что я оказалась довольно ревнивой.

* * *

Я хорошо шила.

Как-то однокурсница привезла мне из Канады роскошную темно-синюю шерсть, из которой я решила сшить любимому костюм – пиджак с воротником-стойкой и брюки – последний пик моды тех лет.

Подобрав всё необходимое самого лучшего качества, я кропотливо трудилась почти две недели. Еще дней десять ушли на поиски подходящих пуговиц. Наконец были найдены и они – серебряные, с льви-

ными мордами по центру (по нашему общему знаку зодиака). Костюм получился просто потрясающим и очень ёл мужу.

В те годы он работал в водной милиции в Сулаке. Несмотря на крепкие февральские морозы, он решил поехать на работу в новом костюме, уж очень ему не терпелось надеть его.

Из-за каких-то ЧП на море ему пришлось задержаться в Сулаке на несколько дней. Мы впервые после свадьбы расстались так надолго, и я очень скучала. Вечером четвёртого дня он позвонил и сказал, что и сегодня не сможет приехать домой, но, услышав в моём голосе печаль, предложил мне самой приехать к нему утром следующего дня.

* * *

У въезда в посёлок меня встретила его машина с водителем, который объяснил, что на море опять ЧП и мне придётся подождать перед отделом. Водитель ушёл догонять «своих», а я осталась ждать.

Я уже почти час сидела в машине и очень замёрзла и скучала, когда вспомнила, что у мужа всегда можно найти, что почитать.

Я полезла через салон в багажник, стараясь не смять аккуратно наброшенный на спинку заднего сиденья новый костюм.

Взяв потрёпанный роман Драйзера, я стала листать его. Вдруг из книги выпал исписанный тетрадный лист. В глаза бросилось «я беременна»...

Ну, кто бы тут удержался, чтобы не прочитать всё?

Написанное сводилось к тому, что Исмаил подлец, а она беременна, и, если он против ребенка, его «домашняя глупая курица» всё узнает...

Исмаил – имя моего мужа по паспорту, но его знают только близкие. В детстве он сильно заболел и ему, по обычаю, поменяли имя, но сменить свидетельство о рождении не удосужились. Отнятый у смерти Магомед в документах так и остался Исмаилом.

По мере того, как я осознавала, что произошло, мир медленно обрушился на мою голову. Опустошающее разочарование вскоре сменилось горькими рыданиями, потом гневом! Откуда-то из глубин моего сознания вырывались такие многоэтажные ругательства, о существовании которых я даже не подозревала.

Первая мысль была сжечь машину. Вторая – разбить в ней всё, что смогу.

Повернувшись к багажнику в поисках чего-нибудь тяжелого, в глубине салона яглядела костюм. Адское решение пришло моментально.

Я схватила брюки и начала рвать их зубами. Мягкая шерсть рвалась без особого труда, но надежно продублированная ткань пиджака сопротивлялась, как могла. Вспомнив о ножницах в сумке, которые собирались отдать на заточку, я выхватила их. Через пару минут результат моего месячного творчества превратился в лохмотья.

«Надо же, с этих ножниц всё началось, с ними же всё и закончилось ...», – думала я, сидя в ледяном салоне автомобиля, совершенно разбитая и подавленная.

* * *

Темную поселковую улицу осветили фары подъехавшего уазика. Выскочивший из неё почти на ходу мужчина, еще час назад бывший моим любимым мужем, подбежал ко мне, крикнул, чтобы я шла за ним и прихватила его костюм из машины, и скрылся в здании.

Немного помедлив, я пошла за ним.

Промокший насекомый, он стоял посреди кабинета, обняв электрический радиатор, а вода, стекавшая с него, уже порядочно намочила деревянные половицы под его ногами.

Стуча от холода зубами и передёрживаясь всем телом, он рассказал, что их лодка перевернулась недалеко от берега, когда они возвращались. Они еле вынырнули...

Тут меня охватил ужас от сознания того, что могло случиться. Я сразу же простила в душе и его

беременную подружку, и ещё 10, 20 гипотетических детей, и то, что меня называли глупой курицей.

– Где костюм?! – стуча зубами, промычал он.

– Какой...

Меня бросило в жар. Потом в холод. Потом снова в жар...

«Он заболеет и умрет... и в этом буду виновата я!» – обжигающим вихрем пронеслось в моей голове.

– Исмаил, принеси из машины мой костюм, – обратился муж к сослуживцу, который уже успел переодеться в сухое.

– Имраныч, я нашел там только это, – в вытянутых руках Исмаила крупной бахромой живописно болтались синие лоскуты. Серебряные львы на них издевательски позвякивали.

Глядя в изменившееся лицо мужа, я уже твёрдо знала, что никакие, даже средневековые пытки не заставят меня признаться, что это сделала я.

Исмаил куда-то ушёл в поисках сухой одежды, и мы остались одни.

– Ты...? – странным голосом и с округлившимися глазами наконец спросил муж.

– Уу... – плотно сжав губы и зажмурив глаза, я отрицательно замотала головой.

Мне вдруг стало так жалко его и так стыдно, что я разревелась.

– Успокойся... Просто объясни, что случилось.

Я, не вытирая катившихся градом слез, протянула ему злополучное письмо.

– Ле, твой смех на соседней улице слышен! – вошёл с ворохом сухой одежды Исмаил.

– Ладно, ты меня сегодня чуть не утопил, так ещё и с женой чуть не развёл, Казанова недоделанный! Сожги свою библиотеку, вдруг жена почтить захочет, – всё ещё смеясь, муж протянул ему письмо.

– Уфф... где только я его не искал, боялся, что жена найдёт...

Смущенный Исмаил тут же порвал письмо в клочья.

Это была наша первая ссора. Вернее, моя ссора, потому что муж ни словом не упрекнул меня. Но с тех пор, то ли шутя, то ли всерьез иногда называет меня опасной женщиной.

Он далеко не ангел и характером непрост, но он никогда не давал мне повода сомневаться ни в нем, ни в себе.

Иногда, кажется, убила бы заразу, но чаще – уважаю и люблю. За то, что мужчина – мужественный и благородный. За то, что человек – с добрым сердцем и щедрой душой. За то, что мой, даже когда невыносимо хочется сжечь его машину.

P.S. Отдельное и вечное спасибо ножницам, кардинально перекроившим мою жизнь.

Бика АЛХАСОВА

Певец родного края

Женщина Дагестана

2/2024

На русском языке

Учредитель:

Агентство информации и печати
Республики Дагестан.

Главный редактор

Х. А. ШАМИЛОВА

e-mail: J-dag@mail.ru

Редакционная коллегия:

заместитель главного редактора

С. Х. БУЛГАЕВА

ответственный секретарь

Н. М. КЕРИМОВА

редактор русского выпуска

Г. Х. АСАДУЛАЕВА

редактор аварского выпуска

Б. Ш. МУХИДИНОВА

bahu4y@mail.ru

редактор даргинского выпуска

П. Г. ВАГИДОВА

редактор кумыкского выпуска

П. Х. ХАЙБУЛЛАЕВА

редактор лезгинского выпуска

Н. Н. ИБРАГИМОВА

e-mail: shikhnabieva1981@mail.ru

редактор лакского выпуска

А. Ю. АБДУРАХМАНОВА

e-mail: delia25@mail.ru

редактор табасаранского выпуска

С. М. ИСРАФИЛОВА

Корреспонденты:

А. ТАЖУДИНОВА,

В. РАТЕНКОВА.

Заведующий редакцией

С. М. ГАМЗАТОВА

Художественный редактор

Г. А. КУРБАН-АДАМОВА,

e-mail: guleymat@mail.ru

Адрес редакции и издателя:

367018, Республика Дагестан,
г. Махачкала, пр-т Насрулдинова, 1а.
e-mail: j-dag@mail.ru

Журнал отпечатан в типографии:

ГАУ РД Издательский дом «Дагестан».
г. Махачкала, пр-т Насрулдинова, 1а.

Телефоны редакции:

65-00-36, 65-00-37, 65-00-39, 65-00-40.

Официальный сайт журнала «Женщина Дагестана»: женщинадагестана.рф

Дата выхода в свет 17.04.2024 г.

Формат бумаги 60 x 841/8.

Объем: 5,5 печ. л.

Заказ № 0407. Тираж (3418) 379 экз.

Журнал для семейного чтения. Издается с 1957 г. Выходит на аварском, даргинском, кумыкском, лакском, лезгинском, русском, табасаранском языках один раз в два месяца.

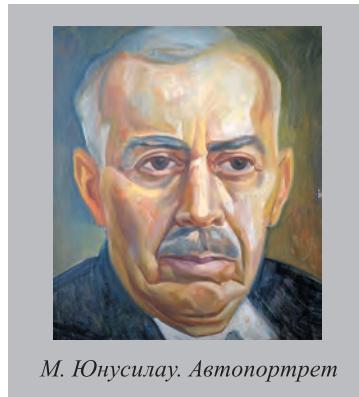
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ТУ05-00429 выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Дагестан.

На обложках:

I – Аида Акавова, предприниматель, благотворитель, общественный деятель;

II – Работа И. Хумаева;

III, IV. – Работы М.-К.М. Юнусилау.

М. Юнусилау. Автопортрет

Собрание работ Юнусилау в Национальном музее дает нам в целом развернутое представление не только о его творчестве, но и об истории искусства, жизни, быта Дагестана периода 1920–1930-х годов, самого сложного, противоречивого и малоизученного.

В первом зале наиболее популярные произведения, которые ассоциируются с именем Юнусилау: работы «Махмуд в сакле», «Ирчи Казак по дороге в Сибирь» и другие. Магомед Юнусилау воспитывался на поэзии Махмуда из Карабосса и Ирчи Казака. Его отец был дружен с Махмудом, художник знал поэта и читал его на аварском и кумыкском языках. В коллекции есть серия зарисовок поэтов, писателей, сказителей разных лет. Изюминка нынешней экспозиции – это демонстрация творений художника, которые были буквально вытащены из закромов хранилища Национального музея, для того чтобы показать Юнусилау малоизвестного или совсем неизвестного широкой публике.

В культурно-выставочном центре Национального музея РД им. А. Тахо-Годи прошла ретроспективная персональная выставка «Магомед Юнусилау. Певец родного края». Большую часть коллекции составили материалы знаменитой литературно-художественной экспедиции «Культсанштурм» по горному Дагестану зимой 1932 года, в составе художников М. Юнусилау, М. Джемала, Ю. Моллаева, поэта А. Аджаматова и писателя Р. Фатуева.

У Юнусилау было всего две персональные выставки – в 1967 году и в 1977. В целом как художник он не был раскрыт зрителю ни музеями, ни Союзом художников, ни искусствоведами. Кроме того, обойдена вниманием и его педагогическая деятельность.

Начиная с 1937 года, М. Юнусилау отдавал много времени педагогической работе, занятиям с самодеятельными художниками, возил их в горы на пленэр, руководил изостудией. Он готовил учеников и сам возил их для поступления в Академию художеств в Тбилиси. Трудно найти в Дагестане художника, который не ходил бы в детстве в студию М. Юнусилау. Его ученики – Салават Салаватов, К.-Магома Юнусилау, Абид Азизов, братья Сунгуровы, Башир Увайсов, Хаджи-Мурат Алиханов и многие другие.

За свою жизнь Юнусилау проработал на разных должностях. Был директором краеведческого музея, восстановлял Дом-музей им. Сталина в Буйнакске во время войны. Преподавал детям, работал в кумыкской газете, затем в «Дагестанской правде».

В одном из залов – серия карикатур. В непростые 1930-е годы художник преодолел сложившиеся в обществе стереотипы и традиции по отношению к изобразительному искусству, заявил о себе не только как живописец с традиционными темами, но и как карикатурист.

Он был светским человеком, отказался учиться в медресе, выбрав светскую школу. И там ему повезло – учителя были просвещенными людьми и поддержали его увлечение рисованием. А вот отец будущего художника запрещал ему рисовать и даже как-то запер в чулане в качестве наказания за непослушание. Когда через несколько часов открыл дверь, чтобы выпустить сына, то увидел, что все стены чулана разрисованы углем.

На выставке также были представлены: серия «Уходящий Дагестан», иллюстрации к книге Магомеда Хуршилова «Сулак – свидетель», обложки к изданиям других писателей, иллюстрации к учебникам родной речи, а также работы сына художника Каира.

Подготовила
Наида КЕРИМОВА

Юнусилау М.-К.М. (1907–1975) Ирчи-Казак, холст, масло, 52x86 см

Юнусилау М.-К.М. (1907–1975) Махмуд в сакле, 1958 г. холст, масло, 88x110 см

Юнусилау К.-М. М. Полдень, 1989 г., картон, масло, 47x42 см, КП-12638, Ж-664

ИНДЕКС ПН023

6+

Цена свободная

4 651116 280082